

Георгий ЛОПАТИН
ИСХОД в БЕЛОВОДЬЕ

Георгий Лопатин
Исход в Беловодье

«Автор»

2023

Лопатин Г. В.

Исход в Беловодье / Г. В. Лопатин — «Автор», 2023

1570 год. Новгород окончательно покорен Иваном Грозным. Но не все его жители готовы склониться перед новой властью и как тараканы начинают разбегаться кто куда. Этому так же способствует тяжелейшие условия жизни: холод – свирепствует Малый ледниковый период, голод – дошло до каннибализма, и болезни – чума. Как водится в сие непростое время попадает наш современник, точнее вселяется в одного из аборигенов и волею обстоятельств становится лидером новгородской общины, что отправилась в исход с целью найти Беловодье. «Уважаемые читатели! В книге «Исход» появилась вторая часть. Прошу прощения за такой выверт, но творческое вдохновение бывает непредсказуемо. Приятного чтения» В книге присутствует нецензурная брань!

© Лопатин Г. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	13
4	17
5	21
6	25
7	28
8	32
9	36
10	39
11	43
12	46
13	50
14	53
15	55
16	58
17	60
18	64
19	67
20	70
21	73
22	75
23	78
24	81
25	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Георгий Лопатин

Исход в Беловодье

Часть первая

Исход

1

Алексей заворочался на какой-то неудобной лежанке, тело ломило, так что каждое движение причиняло болезненные ощущения, а в голове крутилась какая-то каша из образов и мыслей, он даже не сразу себя идентифицировал, сонм имен пронесся в сознании и каждое несло какой-то личностный отпечаток и даже отголоски памяти, что его напугало, но мысли текли вяло и страх тоже накатило как-то фоном.

«Что со мной? – с тревогой подумал он, чуть оклемавшись. – Похоже я на этот раз слишком глубоко «нырнул»...»

У каждого человека имеются тайны, большие или маленькие, опасные и не очень, грязные и постыдные или просто странные. Имелась тайна и у Алексея, из числа странных.

В конце девяностых, начале двухтысячных появилось множество субкультур, всякие эмо, готы и еще не пойми кто. Мы словно маленькие дети тянули в рот всякую гадость из просвещенной Европы, что в итоге допросвещалась до того, что начала творить совсем уж какую-то невменяемую дичь. Но это уже другая история...

Не избежали подобного увлечения и его родители, в голове ветер, старшие не авторитет, вот в «поиске себя» перепробовав то да се, чуть было не вляпавшись в сатанисты, они по какому-то неведомому зигзагу Судьбы подались в родноверы, на этом этапе и заделали Алексея поучаствовав в каком-то веселом празднике с прыжками через костер и купанием в реке ночью голышом.

Не то клуб по интересам, вроде реконструкторов, не то какая-то секта маскирующаяся под общество изучения и популяризации старины. Даже какие-то гранды получали... от всяких НКО. В общем проводили всякие слеты, фестивали и празднества, как открытые, для всех желающих во время всяких официальных гуляний вроде дня города, так и закрытые, чисто для своих... с ритуалами и даже жертвоприношениями в частном лесном массиве недалеко от Новгорода, к счастью, только животных.

Может и человеческие даже были, но только для совсем уж проверенных-перепроверенных членов. Родители Алексея к таковым не относились, так что гадать бессмысленно.

В общем как-то родители решили приобщить своего семилетнего сына ко всем этим делам, тем более возраст подходящий, можно даже сказать сакральный, переход из одного цикла жизни в другой. Вот во время такого в общем-то проходного ритуала-действия с песнопениями и пусканием крови жертвенным ножом, Алексей и начал историю своих «ныряний».

То ли «священная» бормотуха на грибах которую ему дали тому виной, или в костер чего-то сыпанули забористого организаторы, но он лежал под дубом, отходя от какого-то мутного обряда в честь Велеса, впервые услышал голоса. Ну как голоса? Так, какой-то невнятный шепот, что можно было бы запросто спутать с шумом в ушах из-за действия употребленной грибной настойки. Много ли надо мальцу окосеть? Хорошо еще что визуальные глюки не словил.

Малолетний Алексей находясь в состоянии измененного сознания тогда этому просто не придавал значения, ну шумит в ушах и шумит, даже слова какие-то чудятся, непонятные к тому же, тем более что быстро прошло, а потом воспоминания об этом и вовсе вытеснили другие яркие события. Школа, игры с новыми друзьями, участие в городских фестивалях и тому подобное.

Только присутствие и участие на тайных обрядах в той рощице тоже не прекратилось, не так уж часто, но и не совсем редко. И снова какой-то невнятный шум в ушах, что иногда трансформировался в относительно членораздельные звуки. Не во время каждого обряда такое случалось, но нет-нет да слышал. Он даже начал вычленять какие-то отдельные слова, вроде «дай», «возьми», «дар», «помоги» и тому подобное. Понятно что не в современном звучании русского языка, а скорее старославянского или даже еще более старого и архаичного произношения, так что угадывал значение повторяющихся слов скорее интуитивно.

Как-то после особенно четко услышанного воззвания Алексей во всем признался родителям, дескать слышу голоса и все такое.

Родители надо отдать должное еще не окончательно двинулись на родноверческой религии, переполошились и видимо сначала серьезно поговорили со «жрецами», а после затаскали Алексея по больницам, где над ним всячески измывались, проводя исследования. В клинике он по настоянию родителей честно рассказал о голосах, не уточняя при каких обстоятельствах все произошло (опять же по настоянию родителей) в чем и заключалась его ошибка. В общем по итогу ему поставили диагноз «шизофрения», хотя нигде больше, кроме как в том леске он голосов не слышал, о чем так же чистосердечно признался родителям, но ему не поверили, те решили, что ребенок больше не хочет мотаться по больницам вот и врет.

Начали лечить.

Лекарства видимо неплохо действовали, потому как он вновь перестал разбирать отдельные слова, опять звуки превратившиеся в невнятный шумовой фон, настойку опять же, что могла усиливать восприятие ему перестали давать, да и родители после поставленного сыну диагноза, стали как-то постепенно отходить от дел общества, то ли болезнь отпрыска тому виной, винули организаторов в провоцировании шизофрении у сына, а может просто наконец повзрослели. Ну и, наверное, испугались что с сыном могут что-то сделать, ибо «главный жрец» им заинтересовался, слухи-то витают о всяком нехорошем. Ладно если в жрецы его хотят посвятить, а если в жертву?

А потом и вовсе, спустя несколько лет после приобщения Алексея к обществу эту мутную шайку-лейку накрыли медным тазом правоохранительные органы. Как раз началась кампания по борьбе с всякими деструктивными тоталитарными сектами. Самым громким делом стало закрытие Очевидцев Йоды, прижали основателя Города Солнца в Красноярском крае, ну и прочую мелочевку подмели вроде бога Кузи. Лидер новгородской ячейки родноверов вроде не то сбежал, не то вовсе присел на нары. Конкретика как-то прошла мимо Алексея, заканчивал школу, поступал в институт, благо армия с диагнозом «шизофреник» ему не грозила (постреляет еще сослуживцев по требованию внутреннего голоса), девчонки, вечеринки, спортзал, переводы текстов, так что не до главного жреца и его судьбы.

Но о голосах Алексей, конечно, не забыл. Настолько не забыл, что даже поступил в... духовное училище Юрьев-Георгиевский мужской монастырь в надежде более углубленно изучить старославянский ставший церковным и по возможности еще более архаичную его разновидность, что он сам тайком от родителей пытался изучать. Благо иностранные языки ему давались влет, что отметили учителя в школе, и родители решили вложиться именно в языки, видя, что их чадо по остальным предметам весьма посредственен перебиваясь с тройки на четверку и нередко принося двойки по физике, математике, химии... гораздо чаще чем пятерки. А переводчик – это весьма хлебная профессия, особенно если ты специалист столь широкого профиля. Так что к концу обучения в школе он знал английский, немецкий, французский, ита-

льянский, греческий, португальский, а также арабский и даже немного китайский с японским. В семинарии овладел ко всему прочему еще и латинским.

Родители конечно мягко говоря удивились выбору учебного заведения, даже всполошились, чего уж там, но Алексей пообещал, что монахом становиться не собирается, по крайней мере черным, те что дают обет безбрачия, а останется в числе белых, вроде того же Охлобыстина, так что внуков они еще увидят. Этот пример их успокоил, по крайней мере спорить и давить не стали, в конце концов шизофреник, что с него больного на всю голову возьмешь? Как бы хуже давлением не сделать, уйдет еще в черные монахи.

Зачем ему потребовалось изучать еще старославянский язык?

Ну так... Восемнадцать лет, гормоны, дурь бьет через край, может и правда на голову не очень здоровый был, как бы там ни было Алексей решил поиграть в... бога!

Повзрослев, он быстро понял, чем являлись те слышанные им слова на капище – обращение к богам жрецов, ну и подумал: «А если попробовать ответить?!»

Мысль ведь еще какая возникла, вдруг удастся через жрецов сделать закладки из всякого драгоценного? Золото, серебро да камень. Дескать, услышал я ваши молитвы, но должны вы спрятать там-то и там-то то-то и то-то и будет вам счастье одарю вас знаниями тайными силу великую дающую. Ну или что-то в этом роде.

Идея Алексею казалась шикарной. Он в виде божественного откровения значит сливает жрецам всякую информацию технологического характера, да вот хотя бы секрет выплавки булата из болотной руды, координаты залежей того же золота и алмазов (то, что под Архангельском), рецепт пороха наконец, или еще какой взрывчатки, а с той стороны эти самые алмазы с золотом в виде кладов, кои он выкопает в своем времени. Всем ведь выгодно!

После того, как предводителей ячейки родноверцев замели, как агентов влияния Госдепа и общество фактически распалось (по крайней мере ритуалы больше никто не практиковал), полянка в рощице осиротела, пришла в запустение, ну и Алексей там имел возможность пошариться как следует, прихватив кое-какие приборчики и не особо удивился, когда понял, что с магнитным фоном вокруг не все ладно. Причем то снижается, то наоборот так усиливается, что... он начинал слышать голоса даже без допинга. А уж с допингом! Но допинг (собственного изготовления) все-таки несколько мешал связности мышления... и уже становилось непонятно, была ли связь в реальности или это все глюк, этакий самогипноз.

С тех пор и началось его уже сознательные «ныряния» с попыткой наладить диалог со жрецами по ту сторону времени. В жрецы ведь тоже не кого попало берут, а особо восприимчивых. По крайней мере Алексей на это очень надеялся, а то ведь связь иначе не установить.

Вычислить отчего зависит максимальный пик магнитной аномалии на капище не составила особого труда, ну да, все дело в Солнечной активности, а уж когда Землю накрывала Солнечная вспышка, то это было вообще идеально.

В какой-то момент Алексею показалось, что у него получается все эти «прими в дар», «ниспошли благодать», он слышал уже достаточно отчетливо, хоть и сквозь помехи, как словно через плохо настроенный приемник, где плавают частота, цепляя то один канал, то другой, то просто какой-то шумовой фон все забивал. Ведь по сути он слышал не одного жреца а целую их толпу, кого-то четче, кого-то глуше, но вычленив кого-то одного было непросто. Опять же, если жрец на той стороне его даже услышал, одно плохо, под сильным допингом с богом общается, а говорить с таким нет смысла, половины не поймет, а вторую половину перевернет, когда в себя придет.

– В следующий раз, когда ночное небо накроет зеленое сияние, зови ко мне с чистым разумом без употребления священного питья! Сделай только один глоток! Ты меня понял?! – попытавшись сосредоточиться на одном конкретном собеседнике приказал Алексей.

– Да, мой бог! Понял!

Алексей тогда довольно потер руки. Через пару дней должно начаться северное сияние, как раз вспышка на Солнце произошла, и общение должно получиться куда как более внятными и предметными.

Но, что-то во время этого сеанса под зеленые переливы солнечного сияния пошло не так...

2

Алексей наконец смог взять под свой контроль тело настолько, чтобы открыть глаза. Правда видно было не очень хорошо, какая-то муть перед глазами, но зато дало знать о себе обоняние и первое, что он почувствовал, это запах сырости, каменной сырости и запах плесени. Еще воняло мышами, а сам воздух ощущался тяжелым и затхлым с явным привкусом дымка. Но все перебивал густой запах овчины и почему-то мочи с ноткой дерьмеца, словно недалеко туалет.

«Куда же меня угораздило вляпаться?» – подумал он со все нарастающим беспокойством.

Возникла мысль, что его подловили оставшиеся на свободе сектанты из числа фанатиков и сейчас где-то заперли, дожидаясь нужного дня для принесения в жертву. Но кое-что не сходилось. Для начала, к чему такие сложности с антуражем?

Овчина выступала в качестве одеяла и матраца и как смог определить Алексей, на нем какая-то ряса из мешковины, точнее очень грубой ткани, возникло ощущение что вполне возможно даже домотканой. И все, ни штанов, ни трусов.

– Ну это понятно... я тут похоже уже несколько дней и все это время хожу под себя оттого и воняет мочой да дерьмом... Вот и сейчас... хорошо хоть по-маленькому сходил...

Ну да, эта ряса оказалась мокрой в районе паха, что доставляло некоторые неудобства, мало того, что мокро, так еще и холодно.

Но при этом о нем явно заботились, как минимум обмывая после каждого «большого» похода, ну и надо думать меняли обгаженную одежду, что тоже странно для идеи с похищением. Правда не меняя при этом «матраца» и «одеяла», вот от них и несло весьма густо.

Зрение наконец более-менее пришло в норму, на глазах накопилось достаточно влаги, чтобы сморгнуть муть. Осмотревшись, Алексей обнаружил себя в... камере?

«Скорее келья», – поправился он, увидев в углу под самым потолком, а он оказался низеньким, едва два метра, небольшую иконку и перед ней лампадку с едва тлеющим огоньком, что собственно эту иконку освещал.

Что за иконка, было не разобрать из-за тусклого света и сильной закопченности ибо этот огонек изрядно дымил, не то масло плохое, не то фитиль паршивый, а может и то и другое вместе взятое. Отсюда и запах дыма. Под потолком вообще собралась изрядная «туча» дыма.

Вторым источником света служило оконце в виде узкой бойницы. В первый момент Алексей решил что это толстая и не очень чистая полиэтиленовая пленка, но оценив антураж, пришел к выводу, что скорее это пресловутый бычий пузырь.

Стены, кстати, выложены из камня, а не кирпича.

– Где же я?

Подвижность тела восстанавливалась быстро, так что он спустя какое-то время смог сначала принять сидячее положение, а потом и встать. Правда снова пришлось садиться на койку. Пол оказался так же каменным, ни ковров, ни обуви, так что ступням оказалось холодно.

Сбросив «одеяло» на пол, Алексей шагнул к деревянной двери, темной от времени и осторожно ее толкнул, а потом и вовсе навалился всем телом. Но, как и ожидалось, она не поддалась, явно закрытая снаружи. Только брякнуло что-то, но дальше привлекать к себе внимание возможных стражников он лишним шумом не стал.

Тогда подошел к окну. Перед ним кстати говоря стоял небольшой столик, что так же было странно особенно при наличии огня, если учесть, что он пленник.

«А значит, что-то тут не так», – подумал он.

Отодвинув столик, он подобрался к окну вплотную. Деревянную рамку с бычьим пузырем, а это действительно оказался он, а не пленка, удалось выставить на удивление легко и в

комнату, в которой и так было весьма прохладно, ворвался поток свежего, но откровенно морозного воздуха.

Язычок пламени замерцал от потока воздуха и чуть не потух, но все же продолжил гореть, продолжая источать тоненькую струйку вонючего дыма. Но он на это практически не обратил внимание. Уже одно то, что за окном зима его невероятно шокировало, даже наверное больше, чем его непонятный статус не то пленника, не то еще кого. Ведь свой эксперимент с игрой в бога, он проводил в конце лета...

Дальше – больше. Хоть видно было не очень хорошо, окно узкое, стены толстые, что еще больше снижало сектор обзора, вечер опять же, подступили сумерки, но даже того, что он увидел показалось ему знакомым, и в то же время чужеродным. Слышались звуки хозяйственной деятельности, где-то неподалеку кололи дрова, мычала корова...

Бам-бам-бам-бам...

Алексей вздрогнул от звуков колокольного звона, что донесся до его ушей и все мгновенно встало на свои места.

– Юрьев-Георгиевский монастырь... только выглядит очень уж... старым... и в то же время довольно свежим...

Нехорошая догадка из-за сего на первый взгляд парадоксального вывода-наблюдения осенила Алексея и он, отшатнувшись от окна начал исследовать... собственное тело.

– Твою мать... так и есть... все по присказке: я не я и лошадь не моя... только без лошади...

Начать с того, что он повышенной волосатостью не отличался, а тут прямо и руки, и ноги, и грудь, и даже спина мохнатая если верить ощущениям... в общем отличная иллюстрация подтверждающая, что человек произошел от обезьяны. Это не считая бородки, не слишком густой, но при этом излишне длинной.

– В носе палец-то не мой... и рука под ним чужая, здорова, как у коня, волосатая такая и растет не из меня...

Ноги враз ослабели и Алексей едва не бухнулся на пол, но в последний момент все же смог дотянуться до лежанки, на которую и рухнул, так что она чуть не сломалась под его весом. Не то, чтобы габаритный сильно, скорее чуть выше среднего роста (хотя по нынешним временам это можно сказать высокий), а вот в плечах да, что называется косая сажень.

Стало трудно дышать, в глазах потемнело...

– Проклятье...

Волна паники затопила разум, хотелось кричать, биться в истерике и, наверное, он бы все это сделал, если бы не искра ясного сознания, что тлела на краю и не дала свершиться сей глупости.

Алексей, окончательно взяв себя в руки, глубоко задышал, насыщая кислородом мозг. Привлекать к себе внимание, да еще так, не стоило из-за непонятного собственного статуса. Не просто так же его заперли?..

Память прежнего тела, кстати говоря, отсутствовала, что плохо. Оставалось надеяться, что что-то спустя какое-то, но не очень долгое время что-то проклянется, а то ведь совсем дурак дураком будет.

Пересилив себя, Алексей снова встал на подрагивающих ногах, и закрыл окно, а также вернул на место столик. Но келья оказалась напрочь выстужена и...

– Слишком свежо...

Это было плохо. Неправильно для тех, кто рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, придет его навестить. Вызовет подозрения. Но если с холодом уже ничего не поделать, то вот с задымлением можно было что-то придумать.

Отодрав от края рясы полоску ткани, он, смочив ее в масле, поднес кончик к огоньку и запалил. Ткань занялась огнем. Пришлось спешно тушить и ждать пока тлеет и испускает

дым, после чего повторил процедуру несколько раз. Вскоре под потолком снова образовалась дымная туча...

Алексей успел надымить и вернуться на свое место до того, как к нему пришли. Снаружи стукнул засов, и тяжелая дверь отворилась.

Судя по голосам, вошли двое. У одного бас, у второго скорее тенор с козлячьими тонами.
– Проверь...

С Алексея сдернули одеяло и ощупали.

«Пидор поганый!» – мысленно возмутился Алексей, ибо проверили его слишком уж пристально, но не шелохнулся.

– Обмочился только.

Алексея вновь накрыли. Небрежно.

– Ну это ладно... Долей масло и фитиль поправь... а то навоняло, что дышать нечем...

– Да знаю я...

На столик что-то поставили. Причем если судить по звуку, то сразу два предмета.

Некоторое время возились с лампадкой.

– Держи свечку... да выше!

А дальше монах затянул молитву, судя по всему, читая, а не на память, если требовал себе светить огнем свечи.

Алексей подавил в себе желание подсмотреть сквозь чуть приоткрытые веки, ибо их движение могли засечь. Вместо этого он быстро соображал, как поступить.

Дальше притворяться овощем?

А смысл? Тем более пидор этот явно за ним приставлен, банально не выдержит, когда его снова за член да за жопу во время обмывания щупать будут и в ухо даст.

Вскрыться?

Но памяти нет.

«Значит будем отыгрывать амнезию, ничего другого не остается», – принял он решение.

Вскрыться заставил еще и фактор голода. Пока осознавал окружающую реальность этот момент как-то прошел мимо, а вот сейчас живот стало явно подводить.

«Жрать мне если что и дают, то явно только-только чтобы не подох, – понял Алексей. – Вода да хлеб в этой воде размоченный, чтобы не подавился рефлексорно глотая...»

Неясно сколько он... точнее это тело лежало беспмятным, но если и дальше лежать, то силы окончательно на такой кормежке иссякнут. А монахи и так не жируют. В общем тело запускать не стоит.

О том, чтобы незаметно утечь из монастыря улучив подходящий момент не могло быть и речи. Возникнет ли он этот момент? В окно не пролезет, а дверь запирают.

Прорываться с боем?

А зачем? Сразу же видно, что он не за преступление тут в келье отлеживается.

«Может какой-то несчастный случай... Может по башке получил?» – подумал Алексей.

Все говорило в пользу данной версии, кормят, поят, обихаживают не давая запаршиветь. Опять же, наказанных держат в подвальных казематах, на одной гнилой соломе, а не в общих кельях с удобствами вроде койки. По крайней мере он так считал.

Монах заканчивал читать молитву и решение требовалось принимать сейчас. Очнуться во время молитвы гораздо лучше, чем в момент, когда тебя примутся обмывать. Вроде как от святого слова к жизни вернулся...

«Эх, знать бы еще какой сейчас год, можно было бы сыграть в пророка», – подумалось ему благо в школе историчка, что вела историю родного региона была практически фанатичкой и вдалбливала в учеников историю словно гидравлический пресс, правда с политическим подвывертом...

Алексей уже потом узнал, что историчка являлась упоротой либералкой, ходила на протестные митинги под бело-сине-белым флагом и каталась на всякие «исторические» семинары за границу, в основном в прибалтийские страны, оплачиваемые НКО принадлежащими Соросу.

«Хотя... это, пожалуй, было бы лишнее не зная важных, но все решающих мелочей, вроде того, кто сейчас настоятель монастыря и к какой партии он принадлежит, патриот-новгородец или тяготеет к Москве, – снова подумал он. – Так выдашь «неудобный» прогноз и настоятель вместо того, чтобы впечатлиться да всячески обласкать, наоборот засунет в самый глубокий каземат, да и удавит выжав досуха... Да даже зная его партийную принадлежность, все равно не стоит так засвечиваться, не он так другой прибьет».

– ...Слава Отцу и Сыну и Святому духу, и ныне и присно и во веки веков. А-а-ми-и-инь!
И с этим последним восклицанием монаха Алексей открыл глаза.

3

Пробуждение «пациента» не осталось незамеченным. Монах, что читал молитву вздрогнул и даже отступил на шаг. Второй монах, что держал свечу, так и вовсе взвизгнув, выскочил наружу, но потом снова оказался за спиной чтеца.

«Чего это они задержались?» – настороженно подумал Алексей.

Поведение монахов показалось ему несколько неправильным. Вроде как наоборот должны обрадоваться, что «пациент» благодаря их «целительским» усилиям пришел в себя, дескать, вот что молитва животворящая делает, а не пугаться.

Алексей решил отыгрывать болящего, ибо больных как правило не опасаются.

– Пи-ить... – попросил он слабым голосом.

Эта тактика сработала. Настороженность пополам с опаской ушла из глаз старшего монаха, что стоял со все еще раскрытой книгой в руках и чуть повернув голову к напарнику, сказал:

– Амвросий, дай питье Елисею...

«Ага, значит меня зовут Елисей, – обрадовался первой инфе Алексей. – Даже созвучно, что упростит принятие нового имени. Но главное оно не церковное, а это значит, что я все-таки не монах, в худшем случае послушник».

Радость Алексея-Елисея была понятна. Если бы он являлся монахом, то это наложило бы на него определенные обязательства перед монастырем и вообще перед всей РПЦ. Выйти из монашества можно, став расстригой, но это не самый лучший пункт в биографии в глазах окружающих. Общество в прошлом крайне религиозное и к подобным «изгоям» относилось не лучшим образом, ведь просто так не изгоняют, а доказывать всем и каждому, что сам ушел пустая трата времени.

– Кто вы? Где я? – начал отыгрывать свою легенду Алексей, после того как попил.

Питье оказалось жидким овсяным киселем, так себе питье особенно в холодном виде.

– Ох ты ж... – по-бабьему всплеснул руками Амвросий. – Никак опамятовал?!
А Алексей продолжал давить:

– Что со мной? Где я?! Кто вы?!!

– Как ты себя чувствуешь, сын мой? – взял ситуацию в свои руки старший монах.

– Не знаю... все как-то мутно...

– Что последнее помнишь?

– Помню... – Алексей сделал вид, что сначала задумался, а потом начал тихо паниковать:

– Ничего не помню... я ничего не помню! Где я? Что со мной?! Кто я?!!

– Тихо-тихо, успокойся... все хорошо... ты в Свято Юрьевском монастыре...

– Монастыре?

– Да. Знаешь, что такое монастырь?

– Хм-м... вроде знаю... в монастырь уходят люди, не желающие жить в мирской суете и грехе, а дабы пребывать в святости и посвятить себя богу... их называют монахами. Вы монахи?

– Все верно... и да, мы монахи. Меня зовут отец Михаил, а это – отец Амвросий.

«Пидор он, а не отец!» – злобно подумал Алексей, и спросил:

– Я тоже монах?

– Нет...

– Тогда что я делаю в монастыре?

– Ты трудник.

– Трудник?

– Да. Так уж вышло, что ты стал сиротой... после некоторых событий в городе... не будем сейчас о них... но твои родители погибли... прими господь их души, – перекрестился отец Михаил, а за ним и Амвросий.

Алексей тоже перекрестился. Это действие очень понравилось отцу Михаилу, аж ликом просветлел.

– Но что произошло? Почему я ничего не помню... даже своего имени?

– Мы поговорим об этом чуть позже... А сейчас успокойся. Ты в обители господа и тебе ничего не грозит... А сейчас допей питье и переоденься. Амвросий...

Второй монах достал из сумы, коя как оказалось висела у него на плече старую, но чистую рясу.

Алексей допил холодный кисель отчего его чуть не стошнило и быстро переоделся, не стесняясь масляного взора этого... дядьколюба.

Так же ему, этот дядьколюб, в келью занес ведро-парашу с плотно подогнанной крышкой, чтобы не так сильно воняло. Не то стояло там, не то только что принесли.

– Это если захочешь по нужде... А сейчас нам надо отлучиться.

«Понятно, отчитываться побежали, – понял Алексей. – Ситуация явно из ряда вон. Чем мне это может грозить?»

Алексей еще раз исследовал голову, но нет, никаких признаков ударного воздействия не обнаружил.

Дверь ушедшие монахи, кстати сказать, снова заперли и Алексею не осталось ничего другого как ждать. Это несколько нервировало, так что вскоре кисель попросился наружу.

– Попал ты Алеха, во всех смыслах попал...

«Надо бы к новому имени привыкать даже в мыслях себя Елисеем обзывать», – подумал он.

Ждать пришлось не сильно долго, едва ли полчаса прошло, как засов на двери снова грохнул и дверь открылась. В проеме вновь появился отец Михаил.

– Идем...

Алексею-Елисею даже обувь дали, самые натуральные лапти, старые правда, почти разваливающиеся, но все не босиком по холодному камню скакать.

Помимо отца Михаила его конвоировали, другого определения не подобрать, еще два крепких с виду инока. Завели Елисея в старую деревянную часовню, где его уже ждали, можно сказать с распростертыми объятиями. Народу в часовне хватало, человек десять монахов разной степени посвящения с суровыми лицами, святой благодатью в них не просматривалось от слова совсем. Выделялся тот, что в центре, неопределенного возраста.

Алексей разыграл робость. Да собственно почти и не пришлось играть. Нервы на пределе, еще немного и сорвется.

– Не бойся сын мой, тебе здесь нечего бояться, – сказал центровой.

– Я и не боюсь... – ответил он, но так, что сразу стало ясно, что таки боится.

– Вот и хорошо. Я – настоятель монастыря архимандрит Александр. Отец Михаил сказал, что ты обеспамятел. Правда ли?

– Д-да...

– Может вспомнил чего за то время, что находишься в трезвости?

– Н-нет... ничего...

– Печально. А молитву какую помнишь?

– Кажется да...

– Тогда давай помолимся.

– Отче наш, Иже еси на небесах! Да святится имя Твое...

Но на чтении одной молитвы конечно дело не закончилось, хотя сдвинутые брови большинства священников слегка разошлись. Потом читали молитвы уже эти священники

под предводительством настоятеля монастыря и Алексей-Елисей понял, что проводят какой-то обряд, не то изгнания бесов, не то еще чего-то в этом духе, но святой водой его облили с ног до головы. Хоть и неприятно было, холодно же, да и просто некомфортно, когда в лицо бьют капли ледяной воды, но рожу не кривил, а то окружающие могли ведь подумать чего-нибудь не того... дескать корчит нечистого, что могло привести к более жесткому варианту очищения с летальным исходом для тела.

«Странно что этим занимается сам архимандрит Александр, – несколько удивился он. – Или через это пытается дополнительно набрать очки среди прочей братии?»

В общем «очищали» его молитвами и святой водой где-то коло часа, промочили насквозь и в итоге признали «чистым» от происков Нечистого.

Обратно в келью его отвел все тот же отец Михаил, но теперь уже без конвоя.

– Отче, расскажи хоть, что случилось со мной... Почему я обеспамятел?

– Хм-м... раз обеспамятел, значит господу так нужно... может это Его милость к тебе.

Иногда потеря памяти благо.

– Ты меня пугаешь, отче...

– Ладно, сын мой... расскажу все как есть, – вздохнул он и присел на койку. – Без знания, что произошло – тяжело, но и со знанием о том легче тебе не станет, как бы не еще тяжелее выйдет... Уверен, что оно тебе надо?

– Расскажи отче. А то я сума от неизвестности сойду.

– Слушай же...

В общем пареньку сильно не повезло. Как впрочем и очень многим прочим новгородцам.

Великий Новгород, от величия которого по большому счету давно уже ничего не осталось, но еще пыжился выглядеть под стать громкому званию, в конец заигрался (последней каплей стала мутная история с последним удельным князем Старицким, что вроде как полякам хотел отложиться с Новгородом и Псковом) и у Ивана четвертого этого имени, что и без того не очень дружил с головой, был мнителен и подозрителен, окончательно снесло резьбу и устроил в фактически мятежном городе великий же погром.

Жертвы беспредела устроенного опричниками, этими потерявшие всякие берега от своей безнаказанности псами московского царя, исчислялись тысячами.

Стало среди прочих жертвой опричнины и семейство Елисея. Кузнецы, люди не бедные, так что ничего удивительного в том, что их в чем-то обвинили по навету ли, или просто не повезло, ну и что называется раскулачили заодно.

Где в столь непростое время находился сам Елисей неизвестно, почему позже не попал в руки опричников тоже непонятно, не то заказ выполненный отвозил еще до начала всей этой вакханалии в отдаленное место, не наоборот что-то покупал (может за рудой ездил), но как бы там ни было, увидев, что произошло с родными, он, как и многие прочие пострадавшие, не придумал ничего лучше, чем искать спасение у монахов.

На самом деле не самый умный шаг с его стороны, особенно конкретно с данным монастырем. Алексей, когда шел учиться в Юрьев-Георгиевский монастырь конечно же изучил его историю и в общем вынес вывод, что монастырь сей в данные времена являлся сторонником Москвы. Сложно представить, что беглец этого не знал в условиях довольно жестких противостояний различных партий в первую очередь промосковской и пролитовской, а также пропольской. Но может особого выбора не было или на что-то рассчитывал. Может на то, что монахи, пережив ограбление монастыря опричниками затаили обиду не выдадут его своим грабителям. А опричники грабили и промосковские церкви с монастырями, что называется до кучи, в конце концов если уж новгородского архиепископа Пимена, что откровенно прислуживал Ивану Грозному царь не пощадил обвинив измене, то...

Елисею повезло или сыграл расчет. Монахи не выдали его опричникам и укрыли. Милосердием и прочим состраданием понятное дело тут и близко не пахло, как его в этом сейчас

пытался убедить отец Михаил. Просто парень хоть и молод, но кузнечному делу обучен крепко, и такой специалист монастырю, тем более пережившего разорение, явно не помешает. Может на это и рассчитывал Елисей? Монастыри ведь сейчас это не просто «божий дома», но и крупные феодалы, владеющие не только землей, но и различными промыслами, в том числе и кузнечными.

В общем приняли сироту Елисея в монастырь в качестве бесплатной рабочей силы – трудника, ну и конечно же начали всячески его эксплуатировать, как говорится, квадратное – катать, круглое – носить. Чего ему зря харчи переводить, кои тоже хорошо подчистили царские псы? Горем убит? Так работой его еще сильнее надо загрузить, вот и не будет времени убиваться. Кузнечное дело ему конечно же сразу не доверили, ибо находился явно не в кондиции в психологическом плане, накует еще... что потом десятеро не раскуют, потому загрузили работой попроще – лес валить.

Заготовленные на зиму дрова из-за приема части беглецов, что в свое время много жертвовали монастырю, стали расходоваться ускоренными темпами из-за содержания принятых беглецов и требовалось их пополнять. В очередной раз отправили лесорубов в одну примечательную рощицу. Как оно обычно и бывает, в тяжелые времена у части людей возникает кризис веры с поиском новых божественных заступников, раз прежний свою работу не выполнил... В общем обнаружили, что на старом капище стал кто-то дары приносить прежним богам, ну и решили не мудрствуя лукаво вырубить к хренам эту рощу.

Ну а дальше понятно. Начали рубить, и тут Елисей возьми и опади как лист. Кто-то голоса демонические услышал, что-то не то требующих, не то предлагающих, все понятное дело жутко перепугались и сбежали, к счастью, не забыв прихватить Елисея. Его поместили в келью, и отец Михаил трижды в день приходил читать над ним молитвы.

Рощу эту кстати попытались сжечь, но деревья, напитавшись влагой по осени, горели плохо.

– Вот и получается Елисей, что хоть и спасли твою душу, но злокозненные демоны лишили тебя памяти.

Алексей не стал напоминать и поправлять, что перед рассказом отец Михаил утверждал, что сие дело рук господя. Впрочем, для них противоречия нет. Ведь господь всемогущ, ведь так? А значит демон не смог бы без попустительства господя отобрать память у верного христианина...

Перед уходом монах протянул Елисею ржаной сухарь размером с кисть руки и пару пальцев толщиной, вынув его непонятно откуда словно фокусник какой-то.

– На вот... пожуй.

– Спаси тебя бог!

Есть и правда хотелось. Кисель, конечно, дело хорошее, но мало. Так что брезговать не стал.

Монах ушел, но дверь в его келью несмотря на то, что признали чистым от присутствия бесовских сущностей, все равно снова закрыли на засов. От греха подальше.

«Ну и ладно...» – подумал Алексей-Елисей, все равно сбежать прямо сейчас он не собирався, как в ближайшие несколько дней, если не недель, а то и месяцев.

Следовало как минимум обрасти какими-то теплыми вещами (как минимум узнать, где оными можно разжиться, чтобы прибахлиться перед рывком), обувью и по-хорошему еще и оружием, ну и узнать, что там творится за стенами монастыря.

4

Завалившись на койку и укрывшись, то и дело давя в себе мелкую телесную дрожь не то вызванную холодом, не то нервами от всего происходящего, или всем вместе, он, грызя сухарь, стал думать, как быть дальше.

«Время сейчас конечно просто мрак, – тяжело вздохнул Алексей. – Собственно, а когда оно в нашей истории было иным? В какое ни тки – сплошной фобос и деймос».

– Но к черту лирику.

Алексей стал вспоминать, что про данное время, а точнее конкретно про Новгородскую республику ему с одноклассниками втирала политически ангажированная историчка.

Общий лейтмотив ее «проповедей» сводился к тому, что если бы не московское завоевание, то именно Великий Новгород стал бы центром России и стала бы она демократической республикой отчего всем было бы великое счастье. Забывая отчего-то напоминать, что именно в это время в Польше была эта самая демократия, но счастье ей это почему-то не принесло. Но сначала Иван третий этого имени разгромил белых и пушистых новгородцев, а потом Грозный окончательно задавил последние ростки благословенной демократии.

Алексей поначалу ей верил. Сам новгородец, вспыхнул местечковый патриотизм замешанный на юношеском максимализме с острым неприятием к московским. А как не поверить? Учитель ведь. Причем молодая и довольно красивая, ведет себя с учениками, что называется демократично, отзывчивая и незлобивая, в общем на психологических уловках весьма грамотно втерлась в доверие к ученикам, что подкупало и заставляло с большим доверием относиться к ее словам, не то, что старые гримзы, что смотрят на тебя, как солдат на вошь...

Это уже потом, как-то посмотрев сериал про Ивана Грозного, в котором про погром так же рассказывалось, решил уточнить некоторые моменты, ну и всплыло всякое разное, что в корне отличалось от «проповедей» исторички. Зацепился на противоречиях, копнул чуть глубже, ну и как-то светлый образ демократии Великого Новгорода в его глазах сильно померк.

Демократия ведь это что? Правильно – выборы. В Великом Новгороде они вроде как тоже имели место быть, но это именно что «вроде как». Когда на площади собирается огромная толпа и начинает оппонентов брать горлом, а когда не получается – в ход идут кулаки, через насилие прогоняя конкурентов, это что угодно, но не демократия. Где культурное волеизъявление, через голосование теми же камешками как в Древней Греции, где публичный подсчет голосов? Ничего этого и в помине не было.

Тогда чем же являлся Великий Новгород? Да банальной олигархией, что прикрылась фиговым листочком демократии. Может и была кого-то демократия более-менее вменяемая, но уже к моменту покорения Иваном Третьим от нее не осталось и следа, только видимость. Как собственно и от величия Великого Новгорода, что пал под пяту Ганзы.

Если раньше новгородцы сами плавали по морям в иные страны и торговали, то ганзейцы их достаточно быстро задавили и новгородцы с этим почему-то довольно легко смирились, даже не попытавшись построить военный флот и дать отпор наглým немцам. А зачем тратиться на военный флот? Это ведь денег стоит, морока одна, потери неизбежны. Стоит ли борьба того? А денюжку лучше в сундук положить, да сесть толстой жопой на него. Товар же ганзейцам можно продать. Ну и что что дешевле выходит? Зато безопасно и голова не болит из-за «пиратов».

Но это все мелочь по сравнению с проводимой внешней политикой новгородцев. То они за Москву, то они за Польшу, то они за Литву. И вот тут Алексей испытал лишь чувство брезгливости и презрения, хоть и сам новгородец. Ибо то, как вел себя Великий Новгород – это не поведение Великого, это поведение падшей женщины. А кто будет уважать проститутку, торгующую своим телом?

Так что как бэ Великий Новгород был обречен. С таким поведением политической протитутки на политической арене, выклянчивая для себя шантажом преференции, то у одной, то у другой стороны, он по определению не мог стать центром силы, он сам себя ставил в положение нижестоящего – разменной монеты.

Так что действия Ивана Третьего понятны. У него на юге и востоке непримиримый враг – татары, на западе – поляки, а тут Новгород жопой крутит, выторговывает что-то за поддержку в своей торгашеской манере, того и гляди к врагам на западе примкнет, а значит еще и север станет враждебным, ну и нанес превентивный удар. Любой вмняемый политик так бы сделал.

И что интересно, новгородцы имея многократный перевес в силах, больше трех тысяч конных воинов, ничего не смог сделать с москвичами. Хватило двухсот московских стрельцов, чтобы разогнать новгородцев сцаными тряпками. То есть армия оказалась колоссом на глиняных ногах. Не желали олигархи тратиться на армию и ее обучение. Ну а история не раз и не два доказывала аксиому, что кто не хочет кормить свою армию, тот будет кормить чужую. Новгородцы не выучили уроки истории и потому их поражение оказалось закономерным.

Иван Третий хорошо проредил новгородское боярство, но прошло сто лет и не до конца вырванная сорная трава взошла и окрепла. Ганза опять же постаралась укрепить именно старую новгородскую знать к своей выгоде, так что они снова разбогатели и постепенно задавили деньгами «московскую партию». Великий Новгород снова начал крутить жопой. Хотим – ходим в походы на Казань, не хотим – не ходим. Вновь началась игра в шантаж с угрозой отделения и перехода под руку поляков или литвы.

«Они вообще нормальные? Нет? – только и мог удивляться Алексей. – Кто же потерпит такое своеволие и откровенный сепаратизм?!»

Ну и не стерпел Иван Четвертый. Так не стерпел, что от тридцатитысячного населения осталась лишь треть. Кого прибили, кто сбежал, а кто позже от голода и болезней помер.

В общем поведение новгородцев, точнее власть имущей верхушки было донельзя странным. Вместо того, чтобы интегрироваться в новое государство и стать за счет своих богатств теневой силой, они не то из чувства мести, гонора, жажды реванша не то еще из каких мозговых завихрений решили продолжить старую игру, в которую уже один раз с треском проиграли. Так и хочется спросить: ну и кто им доктор?

Это тем более странно, что все знали крутой нрав царя, да еще заведшего себе опричное войско, этакий прообраз внутренних войск. Кем надо быть, чтобы дергать такого тигра за хвост?

Алексей так и не смог понять, на что рассчитывали новгородцы, начиная бучу. Конечно, у Москвы сейчас имелись большие проблемы со все теми же татарами, поляками, шведами. Рассчитывали на помощь двух последних сил при навале с юга татар? Бог весть.

Факт в том, что ничего у олигархов снова не вышло, но на этот раз жестоко пострадал и простой люд. Хотя тут тоже не все просто. Гордитесь своей якобы демократией? Ну так по логике вещей и вы должны отвечать за действия тех, кого якобы выбрали. Вот и ответили. По полной.

– Ладно... это уже все дело прошлого... Сейчас-то мне как быть?

Естественно возникла шалая мысль прибить Ивана Грозного. Больших проблем он в этом не видел. Достаточно завладеть стрелецкой пищалью, отлить колпачковую пулю, усиленный заряд качественного пороха и бах! Нет царя, жестокого и неуравновешенного тирана.

Не за погром в Новгороде, просто, чтобы на его место встал более вмняемый правитель, ведь чем дальше, тем сильнее будет «течь крыша» у царя. Очень уж неоднозначный правитель, коего по некоторым данным травили мышьяком, что тоже не способствует психическому здоровью.

«Но лучше ли от этого станет или наоборот только хуже получится?» – задался он вопросом.

Вопрос непростой. Иван Грозный помимо своих мозговых завихрений, отметил тем, что всячески давил бояр, этих ненасытных в своей жадности феодалов – пиявок на теле государства, что так и норовили развалить страну на отдельные уделы. Шутка ли, такое понятие как «отъезд в Литву» считалось нормальным явлением! А ведь это фактически государственная измена! Предательство! И ничего с этим поделаться царь еще долго не мог.

И вот вопрос, сможет ли с этим явлением что-то поделаться тот, кто придет ему на смену? Сможет ли удержать бояр в узде?

– Ой не факт...

По мнению Алексея, в этом случае из Руси в лучшем случае получится вторя Речь Посполитая.

– Да не будет тогда никакой Руси даже в таком угребищенском виде, будет именно что Речь Посполитая. В РИ у поляков даже воспользовавшись Смутой не получилось захватить Русь и подмять ее под себя именно из-за своего «демократического» бардака, так в ином варианте вполне может получиться, если и у нас будет такой же бардак с «законным» предательством.

Так что, немного поразмыслив, Алексей решил не вмешиваться напрямую в историю, чтобы еще хуже не получилось.

– Тогда что делать?

Этот извечный русский вопрос откровенно пугал Алексея. Мир за окном кельи выглядел чуждым, а главное – смертельно опасным. Было откровенно страшно отправляться в «свободное плавание». Мелькнула малодушная мысль, что может лучше остаться в монастыре?

А что? Монастырь обеспечивал некоторый вполне приемлемый уровень жизни, по крайней мере откровенно никто не голодал, а главное – безопасность. А жизнь и сейчас мало что стоит, а в скором времени так и вовсе не будет стоять ничего, это когда Смута начнется.

– Нет... не получится. И дело даже не в том, что не хочу становиться монахом, даже «белым», меня просто не возьмут... Приютили Елисея как кузнеца, а кузнец из меня как арабский скакун из осла. В лучшем случае просто выгонят...

«Значит нужно валить в либеральном смысле этого слова, раз уж в патриотическом ключе только хуже может стать», – подумал он.¹

И если со способами заработка денег он особых проблем не видел, по крайней мере в теории, подготовился, когда собирался одаривать сакральными знаниями волхвов, то вот в то, что после сможет прожить с деньгами достаточно долго, сильно сомневался.

Он никто, и звать его никак. Любая финансовая сделка привлечет к нему внимание. За ним нет силы, клана, а значит сироту всякий обидеть может и обидит, ведь за него никто не спросит. Тем более в просвещенной Европе.

Попробовать найти «крышу»? А зачем кому-то его крышевать, если можно просто взять и выдоить досуха в пыточном подвале тем самым получив все? Времена простые и незатейливые, так что поступают соответственно...

– Проклятье! – заскулил Алексей в отчаянии.

Из глаз покатались слезы, а из носа запузырились сопли.

– Хватит ныть сука! – ругнулся он на себя, спустя пару минут откровенных рыданий. – Слезами горю не поможешь! Разревелся как девка! Соберись, тряпка! Думай б*дь!

Психологически себя распалив, утерев слезы и размазав по лицу сопли Алексей стал думать. Думалось плохо, то и дело накатывала апатия, что грозило вновь окончиться девчачьими рыданиями взхлеб, так что ему пришлось несколько раз отвесить себе пощечины.

¹ Это к шутке о том, что при слове «валить» патриот спрашивает: кого, а либерал – куда.

– Так... исходим от обратного... раз меня могут взять за яйца только потому, что за мной нет силы, то значит эту силу нужно получить. При этом пристать к уже сформированному клану опасно, и исходя из этого, силу нужно создать самому с нуля. Как?!!

Эта идея полностью захватила сознание Алексея-Елисея. На первый взгляд задача невыполнимая, но он чувствовал, что это не так, в голове крутились какие-то мысли на этот счет, но никак не мог за них уцепиться и разложить более подробно.

Так и уснул в итоге. Мозг в попытке найти решение выработал все доступные ресурсы организма и отключился.

5

«Вот и все...» – обреченно подумал Алексей, когда проснулся поутру от крупной дрожи. Тело горело, обильно источало холодный пот, мышцы тянуло, а суставы ломало, буквально выкручивая. В глаза словно песка насыпали, а в горле словно наждачной бумагой провели. Такое он испытывал лишь раз, когда поросычим гриппом заболел.

Обильное обливание святой водой на холоде не прошло для него без последствий, ослабленное тело, да еще на фоне сильного стресса от попадания, подцепило простуду, тем более что один из монахов вроде как сопливел да покашливал во время чтения молитвы. Сначала Алексей списал это на старость, но теперь понял, тот чахоточник болел и хорошо если не туберкулезом, а именно что простудой, в хроническом виде.

Подобные болезни в это время не знающих антибиотиков смертельноопасны, если уж даже в двадцать первом веке от гриппа каждый год умирает определенный процент заболевших, то здесь... грипп людей косит как серп траву.

Монахи при виде его оставляющего желать лучшего состояния сильно переполошились и даже стали лечить... молитвами, да снова святой водой обрызгивать. Но ни то ни другое отчего-то не помогло и тогда Алексея-Елисея, что окончательно перестал реагировать на внешние раздражители, погрузили на сани и отвезли в ближайшую деревеньку, что принадлежала монастырю.

– Принимай болезного, Матрена... – сказал возница женщине неопределенного возраста, что жила на окраине деревни.

– Что с ним?

– Горячка.

– В баню тогда носи его...

Возница на себе отнес пассажира и сгрузил его на лавку в так называемой бане, совсем крохотного строения, где и сгрузил на лавке. Там эта Матрена избавила его от мокрой рясы, раздула в огонь в печи сложенной из камня, и горячий дым быстро заполнил все пространство этой так называемой бани. Костер горел жарко жадно пожирая все новые порции дров и быстро нагрел очаг. Матрена зачерпнув ковшом воды из деревянного ведра плеснула на камни и пошел горячий пар.

– Кха-кха... – закашлялся Алексей, да так сильно, что аж на некоторое время пришел в себя и осмотрелся мутным взглядом.

Дым пополам с паром не самая лучшая дыхательная смесь особенно когда легкие и так не очень хорошо работают.

– Дыши милок, дыши... этот дым полезный... на хвое пихтовой...

– Пожар... Звони в один-один-два...

– То не пожар... в бане ты...

– Горим... – продолжал хрипеть Алексей в полубреду, и даже инстинктивно попытался шевелиться, чтобы хоть ползком покинуть задымленное место.

– Лежи болезный, не двигайся... сейчас веничками тебя березовыми еще обожу... болезнь выбивать буду.

И смочив вник в горячей воде, что грелась над очагом в керамическом горшке, начала выбивать.

– А-а-а... спасите... помогите... – хрипел Алексей, вяло извиваясь на полке.

От веника очень быстро мало что осталось, листья облетели, так что фактически его истязали голыми прутьями, словно пучком розг. А Матрена эта работала как заведенная, то и дело добавляя пару.

Экзекуция продолжалась долго, так что на пациенте живого места не осталось, разве что лицо не подверглось процедуре.

– Пей...

Алексея напоили травоягодным взваром, что так же готовился на огне в бане и оставили лежать в покое, дышать дымом и обильно обтекать потом.

Когда дрова в печи окончательно прогорели и баня проветрилась, а так же изрядно выстудилась, его облили из деревянного ведра теплой водой, обтерли грубой холстиной, замотали в еще более грубую ткань вроде мешковины и довели до дома, благо хоть на это сил хватило, после чего уложили на лавку с матрацем набитого сеном и укрыли одеялом из все той же мешковины наполненного сорной шерстью пополам со мхом.

– Спи.

Но Алексей этого уже не услышал, вырубившись еще до того, как тело легло.

Лечение похоже помогло, потому как на утро Алексей чувствовал себя хоть и крайне паршиво, но ощущение что вот-вот подохнет прошло. Под потолком висела грозозавеса из дыма, это из-за горевшего очага на открытом огне которого что-то в котелке готовила хозяйка.

Алексей так же заметил, что является не единственным больным в этом доме. С противоположной стороны так же на лавке лежал еще один мужик с забинтованной головой. Даже в густом сумраке было видно, что избивали мужика долго и со вкусом, потому как лицо было черным от синяков, нос сломан, губы порваны (но сшиты), ну и надо думать, что и с зубами все плохо. И это еще неясно, что с остальным телом, ибо укрыто одеялом, Алексей ставил на то, что и там все битое-отбитое и изломано. В общем явная жертва опричников.

Налив варева из котелка в миску, женщина подошла к Алексею.

– Пей...

Варевом оказалась жидкая овсяная каша.

– Мне бы до ветру сходить...

– Потерпи немного. Сейчас Радомира покормлю и помогу...

Напоив второго пациента, Матрена помогла встать Алексею и повела его к бане.

– Мне до ветру...

– Там все дела сделаешь, заодно обмою...

Из бани дохнуло дымом и жаром.

– Опять? – обреченно спросил Алексей.

– Опять. Надо из тебя хворь выбивать. Вот сядь на лавку, оправься в горшок, а потом ложись на полку.

В общем экзекуция повторилась. Снова напоили лечебным взваром одновременно восполняя потерю жидкости в организме, что вышла с потом, после чего отвели обратно в дом. Матрена перевернула матрац, а то он пропитанный за ночь потом Алексея не успел просохнуть и пациент вновь провалился в сон.

Так и шло лечение. Утром и вечером баня, а все остальное время – сон. Алексей даже заподозрил, что в питье, что давала Матрена есть что-то снотворное. Из еды, жидкие каши иногда с кусочками рыбы или грибов.

Как выяснил Алексей чуть позже расспросив хозяйку, монастырь подрядил некоторых женщин оставшихся без мужей и сыновей при этом не сумевших повторно выйти замуж (гендерный перекос из-за бесконечных войн шел сильно в пользу женщин), а значит фактически без средств к существованию, работать на ниве выхаживания больных. За это их снабжали дровами и кормом, как им самим, так и на пропитание больных.

Алексею повезло. Матрена относилась к своим обязанностям ответственно, то ли, потому что занялась сим не так давно, то ли опасалась, что если ее пациенты будут дохнуть как мухи, то и такой источник пропитания обрежут.

Как бы там ни было столь интенсивное лечение делало свое дело. Через неделю, Алексей уже мог ходить (благо вместе с ним и тюк одежды привезли, так что было во что одеться), ну и связно думать. А подумать было над чем, ведь вопрос, как заполучить достаточную силу, чтобы его остереглись трогать, оставался открытым.

«Самое простое, если отвлечься от технических деталей, это собрать собственную ватагу-банду, – подумал он. – Если за спиной будет человек сто преданного народу готового вступить в бой, то можно уже что-то крутить-вертеть...»

Но вот при ближайшем рассмотрении все становилось не так просто. Всплывало множество тех самых «технических деталей».

– Нельзя так просто взять и собрать банду...

«Как, собственно, собрать эту самую банду? – спрашивал себя Алексей. – Выйти на площадь и гаркнуть во всю глотку: «Эй, народ! Я собираю ватагу! Айда за мной, кто желает!»»

Понятно, что так это не работает.

Опять же, кто он такой, чтобы за ним кто-то пошел? Где гарантия, что в банде не сформируется иной центр силы и в итоге его не скинут перехватив рычаги управления? Это в лучшем случае. А могут ведь и запродать или вовсе прибить. Да и не нужна ему банда из обычных душегубов, что разбежится от одной угрозы столкновения хоть со сколько-нибудь сильным отрядом.

– Но ведь у Ермака же как-то получилось сбить ватагу? И не только у него... Сколько их сейчас колобродит по Дону?

Ну и... Алексей честно признавался самому себе, что не только не понимает механизма сбора банды с нуля, так еще и не потянет на роль лидера ватаги, особенно в сии времена, с жестокими, если не сказать звериными нравами. По крайней мере вот так вот сразу. Не обладает он нужными лидерскими качествами. Не хватит харизмы.

Ему это и раньше не интересно было. В той же школе или во дворе. Всегда с презрением относился к тем, кто окружал себя подпевалами-жополизами и гнобил слабых, видя в этом животную, обезьянью сущность (очень уж похожи повадки в таких подростковых шайках, особенно после просмотра телепередач про обезьяньи стаи). Он предпочитал равные дружеские отношения, не терпя никого над собой и никого, не загоняя под себя.

Строить из себя нечто большее? На такой риск Алексей не готов был пойти. Сам хорошо чувствуя фальшь в отношении себя со стороны других людей он предполагал, что и остальные люди так же почувствуют фальшь в его поведении с ними. Актер из него так себе. Кто-то может интерпретировать его поведение как высокомерие, а кто-то как слабость, что обернется для него большими проблемами, ибо любая банда – это все равно что волчья стая, в которой лидера, что хоть немного проявит признаки слабости и неуверенности тут же сомнут.

«И в итоге окажется мое место во мной же собранной банде у параша...» – подумал Алексей и вздрогнул от поганой перспективы.

В общем, классическая банда не подходила. Требовалось что-то иное.

– Вот только что? Попробовать создать секту? Стать каким-нибудь пророком или что-то в этом роде?..

Опять же, теоретически это возможно, особенно сейчас, когда общество изначально до предела религиозно и мыслит мистическими категориями. Благо как это сделать он знает, сам ведь в подобном обществе состоял, ну и потом дополнительно изучил тему, так что механизмы как оболванить людей превратив их в фанатиков ему были известны. А вот что касается практики... Церковь конкурентов не любит, и либо натравит власть, либо справится своими силами. Да, у нынешней Церкви есть свои вооруженные силы, небольшие, но есть, так что она сейчас не такая беззубая какой стала чуть позже. В общем схватят и четвергуют или что они предпочитают с «несистемными» конкурентами делать...

– Лучше уж тогда обычную банду собирать... на татей хотя бы официальная Церковь не охотится.

6

Пойдя на поправку, Алексей вновь задумался над тем, как быть дальше. Вариант с бандой как-то не виделся ему реальным, по крайней мере сейчас. Ему, чтобы люди пошли за ним, требовалось повзрослеть как физически (никто столь молодого отрока, да еще из не благородных всерьез принимать не будет, разве что такие же молодые, но они бесполезны), так и психологически. Образно говоря, ему требовалось вжиться в мир, принять его сущность и закалиться морально, чтобы мог применить насилие в любой момент и без рефлексий, не страдая лишним человеколюбием и жалостью.

Вот только, как и где закаляться?

Имелся жесткий и мягкий вариант.

Мягкий – это все-таки вернуться в монастырь и некоторое время влачить жизнь трудника, лет так десять. Правда в этом случае возникал серьезный риск подхватить тюремный синдром. Это когда отсидевшие не могут вписаться в нормальный мир и стремятся вернуться за решетку, где царят понятные и простые правила с понятиями, с жизнью по расписанию.

Ведь он уже сейчас нет-нет да снова и снова подумывал об этом варианте.

«Если чуть подсуетиться, то и в монахи можно попасть, а учитывая мой уровень образования, то взлететь я могу достаточно быстро и довольно высоко. И чем выше тем шикарнее житуха, меньше контроля, а значит можно некоторые неудобные правила обойти», – размышлял Алексей.

Все бы ничего, монахом жить можно, особенно в статусе «белого священника», но напрягала ситуация с пидарасами. Монастыри являются откровенными рассадниками одного из смертных грехов – мужеложства. И что-то ему подсказывало, что тут как в шоу-бизнесе, особенно во время «святых девяностых», все через постель. На самый верх пробились и поддерживают друг друга эти заднеприводные. Хочешь взлететь быстро, а не влачить до конца своих дней в статусе инока? Подставляй жопу. Если и нет, то может попасться в качестве духовного наставника «святой» отец вроде Амвросия...

Прибить уroda не проблема, но где гарантия, что новый наставник не окажется из таких же? А могут что-то и заподозрить. Тогда... лучше сразу повеситься, чтобы не огрести наказание в виде группового изнасилования.

Жесткий – все-таки сорваться в мир греха. Но он к нему был не готов. Его буквально корбило и трясло от страха.

Алексей так и не смог принять окончательного решения, откладывая этот судьбоносный шаг на момент полного излечения, надеясь на Авось. А вдруг подвернется какой-то случай?

Попытался разузнать, что происходит в Новгороде у Матрены, чтобы получить хоть какое-то представление о жизни, но ей в последнее время было не до слухов. А тут еще нового пациента из монастыря привезли. Очередного трудника.

– Помогите до бани его довести, Елисей, – попросила женщина ибо возница отказался помочь, у него еще один пациент в санях лежит и надо отвезти к другой бобылке промышляющей оказанием медуслуг.

Алексей достаточно окреп, чтобы помочь своей спасительнице.

– И сам давай в баню.

– Не... – чуть смутившись, отказался Алексей. – В другой раз...

Матрена парила его сама будучи обнаженной. Ей едва ли исполнилось больше тридцати, формы тела конечно оставляли желать лучшего, но ведь и не откровенно старушечье... в общем стоило Алексею чуть набраться сил и организм начал реагировать на обнаженку известным манером. В итоге и на животе не сильно удобно лежать, приходится зад оттопыривать (что тут же подвергался усиленному истязанию облезлым веником), а если лежать

на спине, так и вовсе сам себе одномачтовую шхуну напоминаешь... и приходится эту «мачту» руками прикрывать, сгорая от стыда особенно в моменты, когда казалось, что еще немного и... окончательно оконфузишься.

Вот кстати, странное дело, с чужим телом Алексей как-то сроднился и воспринимал его как свое, не испытывая никакого дискомфорта, ни физического, ни что особенно важно – психологического. И это радовало.

Матрена, только засмеялась и скрылась с новым пациентом в бане.

Парила она новенького, как и его самого самоотверженно около получаса, после чего снова позвала Алексея.

– Елисей, помоги его до дому довести. А то он совсем плохой и тяжелый.

Мужик и правда выглядел весьма крупным, даже крупнее немаленького по местным меркам Елисея. Алексей даже заподозрил что это совсем даже не простой мужик, а из воинов, только они (плюс знать) питались достаточно сытно, чтобы так вымахать.

– Ага...

Мужик едва передвигал ногами откровенно уронив голову на грудь.

– А куда ты его класть собираешься? – удивился он, положив вторую руку мужика себе на плечи, фактически приняв весь его вес на себя, Матрена все-таки ростом не отличалась, максимум метр шестьдесят.

– Да вот на твою койку пока и положу...

– А я?!

– А ты со мной!

– Э-э...

– Да не тушуйся... не кусаюсь же я! Чай, там у меня зубов нет!

Алексей покраснел как помидор, хотя сам удивлялся такой своей острой реакции. Казалось бы, его подобные подначки смущать не должны, сам мог те еще пошлости выдать. По крайней мере в прежней жизни его подобным бы не «пробили». Еще удивлялся изрядной раскрепощенностью местных дам.

Клал мужика в доме на койку Алексей, Матрена взялась за одеяло, и этот мужик возьми и надсадно кашляни, когда его перевернули на спину и мокрота прямо на лицо Алексея попала, да весьма обильно.

– Тьфу ты... – брезгливо сплюнул Алексей, после чего оттер губы рукавом. – Вот и помогай после этого...

Алексей выскочил из полуземлянки и подскочил к ближайшему сугробу. Благо недавно свежий снег выпал. Сгребя снег в ладони он провел им по лицу сверху вниз. Хотел уже сбросить использованный снег под ноги и зачерпнуть вторую порцию, как замер истуканом.

– Твою мать... – выдохнул он. – Только не это... Не хватало еще тубик подхватить!

А все дело оказалось в том, что на снегу отчетливо виднелись красные пятнышки.

– Какой на хер тубик! – воскликнул Алексей после короткой паузы.

Он конечно же вспомнил о том, что после погрома учиненного Иваном Грозным в Великом Новгороде полыхнула чума завезенная туда из Пскова. А значит это она и есть.

– Сука! Сука!! Сука!!!

– Ты чего лаешься, Елисей?!

– Сука! У него чума!!!

Алексей начал сгребать снег, уже не заботясь о его чистоте и свежести, после чего принялся ожесточенно оттирать лицо, пока оно не начало гореть огнем словно от мелких порезов коих сбрызнули одеколоном.

– Чума?! – ужаснулась Матрена.

– Она!

– Господи помилуй... спаси и сохрани... – закрестилась женщина. – Господи помилуй!

Алексей же рванул обратно в полуземлянку. Матрена спустя несколько секунд, продолжая шептать молитву, последовала за ним и увидела странную картину, как Елисей скинув с нового пациента одеяло, а так же размотав дерюгу, которой она его укрыла по выходу из бани, ощупывал тело трудника.

– Что ты делаешь? Зачем ты его... трогаешь?

– Домогаюсь его, не видишь, что ли! Сейчас на живот переверну, пристроюсь сзади и овладею этой чумной жопой, блядь! Огня лучше принеси!

– Зачем?..

– Нужно больше света! Не видно же ни хрена! Промохаюсь еще мимо ануса! Да едрит твою мать! Неси огонь!!!

Матрена заметалась по дому, но наконец пришла в себя и зажгла сразу несколько лучин.

– Ах ты ж мать... – глухо ругался Алексей, пальпируя тело мужика.

Алексей сначала проверил подчелюстные лимфоузлы, потом подмышечные, разве что паховые побрезговал проверять. Да и зачем? Если подчелюстные и подмышечные лимфоузлы ощущались как здоровенные и твердые образования, размером с финик.

А когда появилась Матрена с пылающими лучинами, сначала осмотрел спереди, после чего чуть приподняв мужика на койке в сидячее положение, посмотрел и спину.

– Дерьмо...

– Что?!

– Вот эти пятна...

– Что они значат?

– То, что это кожная, либо кожно-бубонная чума, только бубоны еще не появились... что не отменяет легочной формы с кишечной...

– Господи помилуй!

– Поздно молиться... он в бане кашлял?

– Д-да...

– Плохо... Но ты могла еще не заразиться, все-таки там пар... он мог сыграть роль щита. А вот мне точно кирдык... мало того, что мне в рожу харкнул, так еще и от простуды не до конца отошел, а это точно приговор. Сука... ну не одно, так другое...

– Что же делать?!

– Спалить все к хренам... вместе со мной для гарантии... только это ничего не изменит. Он из монастыря и значит там уже есть больные... там ведь его не одного на санях везли... сейчас монахи начнут опадать как листья с дерева по осени от резкого порыва ветра.

– Надо предупредить!

– Предупреди если есть такая возможность...

Матрена метнулась наружу и куда-то побежала. Может к соседям у кого есть лошадь с санями.

Алексей без сил прислонившись спиной к стене, с силой провел рукой по лицу не обращая внимание на то, что рука мокрая от пота больного. И такая внутри пустота образовалась, что даже рыдать не хотелось.

– Вот ведь срань какая...

Смертность от чумы в средние века выше девяноста пяти процентов. Антибиотиков нет, а значит он обречен. Был бы до этого здоров, еще можно было рассчитывать попасть в эти мизерные проценты, а так ослаблен простудой, тут без вариантов.

7

Как ни крепился Алексей, а предательские слезы все же брызнули из глаз. Умирать, мягко говоря, не хотелось, да еще вот так...

– Нет! Нет!!! Я не могу сдохнуть! А-а-а! Не могу! У-у-у! Я же мать твою так растак чертов попаданец! Ы-ы-ы! Это не по канону сдохнуть в первые же дни после попадания! А-а-у-у-ы-ы!!!

Вслед за слезами обильно потекли из носа сопли, да так что даже дышать легче стало. Может это обстоятельство тому виной – мозг получил достаточно кислорода, чтобы начать думать и искать выход из критической ситуации.

Первым делом Алексей вспомнил, что читал о чуме...

Вообще-то он много о каких болезнях читал, ведь играя в бога Алексей хотел подарить волхвам лекарства от самых смертоносных болезней. Та же примитивная вакцина от оспы. На этом собственно все, остальные болезни вроде тифа, чумы, проказы и прочего лечить не имея развитой медицинской инфраструктуры бессмысленно. Но общие сведения конечно получил.

Итак, что касается чумы.

– Палочки дохнут при температуре пятьдесят пять градусов в течении десяти-пятнадцати минут...

Сорвавшись с места, Алексей устремился в баню и быстро распалил огонь накидав дров в очаг с горкой и вскоре огонь поднялся чуть ли не до потолка, того и гляди загорится. Как только камни нагрелись, Алексей окатил их водой и принялся вдыхать горячий пар обжигая носоглотку и трахею.

Алексей понимал, что несколько опоздал, зараза уже успела проникнуть в кровь, но этой мерой он надеялся сбить общую концентрацию патогенных «палочек» в легких и выиграть себе еще немного времени. Инкубационный период от двух до шести дней, в некоторых случаях до двенадцати. На двенадцать Алексей не рассчитывал, не с его незалеченной простудой. Ему хотя бы эти самые шесть дней вытянуть.

Пар он вдыхал сколько мог, не пятнадцать и даже не двадцать минут, а минимум полчаса. Он не знал, получилось ли ему подавить хотя бы часть инфекции, но собирался повторить процедуру и как можно чаще.

Но все это ни о чем без антибиотиков. Антибиотики понятное дело взять еще долго будет негде, но он надеялся обойтись паллиативом. Собственно ничего другого ему не остается.

Одевшись, Алексей кинулся в дом, чтобы создать этот паллиатив антибиотика.

Когда Матрена вернулась в свою полуземлянку, то увидела, как его молодой пациент остервенело копает землю в «красном» углу, то есть под иконой.

– Что ты делаешь?

– Антибиотики... добываю... точнее... а не важно! – ответил он и продолжил копать.

– Елисей...

– Послала в монастырь гонца?

– Да.

– Тогда обмотай рот с носом тряпкой, собери вещи и беги отсюда...

– Куда?!

– Куда можешь.

– Мне некуда идти.

– Соседи? Родственники?

– Выгонят... собственно уже не примут. Вся деревня уже в курсе, мальчишки старосты разнесли весть по всем домам. А родичей у меня здесь нет. Пришлая я...

– Ч-черт... как бы нас не сожгли...

– Не сожгут... не должны...

Уверенности в голосе Матрены не было. Что предпримет человек объятый страхом предугадать невозможно, а уж толпа... она от быстро переходит из стадии «страх» к агрессии с проявлением животной ярости и формы эти могут принять совсем уж дикие черты, когда виновников бед в остервенении рвут на части голыми руками.

– Да замотай ты лицо тряпкой наконец! У тебя еще есть шанс остаться здоровой!

– Хорошо... как скажешь...

Матрена действительно сняла с головы платок и им закрыла нос и рот.

– Точно некуда идти?

– Нет... К тому же я обязана помогать страждущим... таков мой долг...

– Наплюй.

– Не могу... – как-то вся осунулась Матрена. – Это моя епитимья...

«Что она такого натворила? – мелькнула мысль. – Убила кого? Впрочем, неважно...»

– Ладно... если хочешь помочь, то мне нужно получить черствый хлеб, сухари... свежий не надо... Есть?

– Зачем?

– Имеется один вариант...дохлый, но есть... по крайней мере других вариантов я не вижу. А тут сама понимаешь, за соломинку хвататься станешь.

Матрена кивнула, а потом предложила свою «соломинку»:

– Давай помолимся Елисеюшка... Господь милосерден и услышит наши молитвы...

– Да блин! Не до молитв мне! Каждый час на счету! Есть у тебя эти гребаные сухари или нет?!!

– Н-нет...

– А есть у кого получить?!

– Н-не знаю... Вроде сын старосты хотел в Великий Новгород ехать...

– И что?

– Так сухари в дорогу сготовить...

– Достань!

– С-сколько надо?

– Чем больше, тем лучше!

Матрена снова убежала – добывать сухари, а Алексей, взяв кувшинчик примерно литрового объема, наполнил его наполовину водой, а потом засыпал в него только что накопанную землю, предварительно понюхав ее и при этом удовлетворенно кивнув. После чего тщательно все размешал...

– Вот уж правда... захочешь жить – землю жрать станешь...

Землю он, конечно, есть не стал, а поставил эту жидкую грязь отстаиваться.

Когда Матрена вернулась в свою полуземлянку, то застала еще более странную картину. А именно Елисей ковырялся во рту Радомира щепками, Радомир при этом что-то мычал и пытался сопротивляться, но куда ему со сломанными руками?

– Елисей, что ты делаешь?! – спросила она осторожно.

Осторожно, потому что с «буйными психами» резко нельзя.

– Как бы тебе объяснить... в общем собираю необходимые мне материалы... Что там с сухарями? Получилось достать?

– Вот...

Матрена показала мешочек в который влезло бы полбулки хлеба. А учитывая того, что там сухари, то полезного груза сильно меньше.

– Ладно... Хоть столько...

Хлеб в деревнях в это время особо не пекли, только на праздники, это что-то вроде торта, мука ведь дорогая, да и мороки с выпечкой много особенно с нынешними печками от которых одно название, проще кашу из зерна сварить. Так что даже такое количество сухарей уже удача. Хлеб, если уж его испекли, в это время съедают обычно весь, не оставляя обгрызенные куски.

Еще хлеб пекут специально на сухари, это если в дороге. Свежий хлеб на самом деле очень быстро портится, сутки-двое и все, становится твердым как камень. Сейчас ведь нет всех этих стабилизаторов, разрыхлителей и прочей химии, что позволяет булке хоть неделю лежать на полке притворяясь свежей.

Что до конкретно этих сухарей, то скорее всего выпечка просто оказалась у хозяйки неудачной (или дочка провалила своеобразный экзамен по кулинарии), вот и отложили засохнуть... на черный день все в пищу сгодится. Вот и пригодилось.

– Замеси теста на хлеб, мне много сухарей понадобится.

С этими словами взяв мешочек у женщины, Алексей высыпал сухари на стол, после чего треть сухарей макнул в горшочек. Земля там осела и сверху стоял слой мутной воды.

– Что ты делаешь?

– Потом...

Вторую треть он так же полил водой, но чистой, после чего стал обмазывать их щепками коими колупался во рту Радомира.

– Кстати Матрена... просьба конечно покажется тебе странной, но прошу, возьми вот эти чистые щепки и поскреби у себя во рту, по щекам...

– Зачем? К чему все это?

– Просто сделай, что я прошу. Тебе это ничего не стоит, а мне может помочь...

– Ну хорошо...

Женщина поскребла щепками у себя в ротовой полости и Алексей повторил процедуру с обмазыванием влажных сухарей. Сами сухари он разложил в шесть небольших горшочков размером с кружку на сто пятьдесят-двести миллилитров, благо их у Матрены оказалось в достаточном количестве. Большая часть правда с битыми краями и треснувшие, но это ему не мешало. Сами горшочки подписал сажей, смешанной с маслом.

– Теперь нужно теплое, но сырое место... и накрыть бы чем... так чтобы воздух особо не проникал в горшочки...

– И зачем все это?

«Чего бы тебе такого соврать, чтобы звучало убедительно?» – устало подумал Алексей.

Не рассказывать же про плесень с помощью которой при некоторой удаче можно победить различные болезни? В данном случае про так называемые лучистые грибы – актиномицеты, что требовались Алексею для борьбы с чумой.

И если плесень из вида пенициллин селится сама на питательную среду, то вот лучистые грибы из рода стрептомицины нужно еще постараться размножить, хотя они тоже встречаются повсюду, в той же земле (вот они как раз и дают земле землистый запах), в водоемах и... (кто бы мог подуть?!) в полости рта у человека, правда не у всех. Потому собственно Алексей, помимо того, что накопал земли и колупался во рту Радомира и саму Матрену попросил сделать соскобы. Что-то да должно получиться. Другое дело, что их там куча видов и помогут ли те грибки, что все-таки ему дастся размножить, бог весть. И еще вопрос, не убьют ли его побочки? Ведь глупо исцелившись от чумы, подохнуть от «антонова огня». А то связываться с чистыми грибковыми культурами не прошедших лабораторную очистку, тот еще риск. Известны ведь случаи, когда люди умирали, отведав заплесневевшего хлеба...

Так и не придумав нормальную отмазку, коя не вызовет только еще большего вала вопросов и откровенных подозрений в ведовстве-колдовстве (на огне сторать совершенно не хотелось), Алексей просто сказал:

– Просто забудь... сделай вид что ничего этого нет. Как сама видишь, никаких ритуалов чернокнижных я не делал, так что опасаться тебе с духовной точки зрения нечего.

– Но если это может помочь...

– Вот если мне поможет, тогда и будем... помогать. Договорились?

Матрена заторможено кивнула.

– Иди... ставь тесто. Нужно выпечь хлеба и сделать из него сухари...

– Хорошо.

Матрена занялась своими женскими делами, а Алексей, посмотрев на горшок с «земляной водой» подумал: «Ну, хуже ему точно не станет... а лучше... Кто знает? Не попробуем – не узнаем».

Слив относительно чистый слой воды в другой сосуд он пошел поить водой больного чумой... на почве стресса у него развился исследовательский зуд. Ну и если поможет, так и сам употребит, не побрезгует. Тут в попытке выжить, не то, что землю жрать станешь, но дерьмом ее заедать.

8

– Ой беда, Елесеюшка! – с воплем ворвалась в баню Матрена. – Беда!

Алексей перед сном проходил уже третью по счету процедуру ингаляции – дыхания паром. Даже специальный «сборщик пара» в виде рупора из бересты изготовил, чтобы не все лицо в пар совать. Перед этим отмыли чумного мужика. Его от «целебной» водички сильно пронесло.

«Как бы к чуме еще и эпидемию холеры не спровоцировать, ну или диареи...» – подумалось ему тогда.

– Что случилось?

– Дом Марьи горит! Сожгли ее ироды проклятые!

– Ч-черт!

Алексей быстро засобирался. Если коллегу Матрены спалили, то и к ней самой сейчас заявятся с той же целью. На полпути в таких делах не останавливаются.

Выскочив из бани, Алексей увидел, как в районе центра деревни, что вообще-то вытянулась вдоль речки-воночки, весело пылает избушка. А от нее колыхаясь «огненной змеей» движутся деревенские с факелами по направлению к домику Матрены.

– Недолго они продержались...

Так-то Алексей понимал людей. В них говорил даже не столько страх, сколько инстинкт и этот инстинкт говорил им, что от заразы поселившейся в деревне надо всеми силами избавиться и очищающий огонь для этого лучшее средство.

– Хорошо, что я снега на крышу дополнительно накидал... – пробормотал Алексей.

Опасаясь чего-то подобного, он действительно усилил на крыше снежный покров собрав снег со всего двора. И под стены тоже сугробы намел.

– Теперь нам остается только ждать кавалерии из-за холмов... Пожар в монастыре наверняка заметили. Вот только отреагируют ли? Должны по идее... не слегли же они там все поголовно, даже если заразились...

Алексей с Матреной закрылись в домике и стали ждать помощи со стороны монастыря. Толпа деревенских некоторое время бушевала, что-то кричала дополнительно заводя себя. Но много времени им для активных действий не потребовалось, тем более что «первую кровь» уже пустили и спустя минуту в сторону полужемлянки полетели факелы из веников с берестой и соломой набитых среди прутьев.

Матрена истово молилась перед иконкой, то и дело крестясь да кланяясь.

– Господи помилуй! Господи, спаси и сохрани!..

Соломенная крыша благодаря предпринятым мерам загораться все не спешила и тогда доведенные до исступления люди пошли на штурм. Дверь они выбить не могли, тогда разорвав оконные бычьи пузыри попытались вбросить факелы внутрь. Но и тут оказалось все не так просто, первый, кто попытался сие проделать, получил от Алексея в грудь черенком метлы и судя по болезненному воплю, получил довольно крепко.

Вот только окошек в домике два и на оба Алексея не хватало. Впрочем, Матрена наконец перестала молиться и занялась делом, а именно хватала просунутые внутрь факелы и сносила их в очаг.

– Спасибо за дровишки! Кидай исчо!

– Сдохните отродья сатаны! – несло им в ответ.

Поняв, что и такой метод не работает, разъяренные поджигатели наконец реши подойти к вопросу более вдумчиво, стали разбирать крышу бани и с руганью разносить к чертям забор набранный из жердей, чтобы всем этим обложить дом. Противодействовать такому у обороня-

ющихся не имелось возможности, разве что сделать вылазку, но это смерти подобно, забьют дубьем и изрубят топорами.

Матрена снова упала на колени перед иконой.

И пришел бы им всем кирдык от удушья, но тут наконец подоспел та самая пресловутая кавалерия из-за холмов, причем действительно кавалерия, кою так опрометчиво проворонили увлекшиеся поджогом деревенские.

– А ну прекратить непотребство!

Видимо не до всех сразу дошло, что обстановка радикально изменилась, потому как пистолетными выстрелами защелкали хлысты и раздались пронзительны крики боли.

– Эй! Вы там живы?!

– Пока да, – отозвался Алексей.

– Спаси вас бог! – вторила ему Матрена.

– Это да... божья помощь нам всем не помешает, – с хмурым видом отозвался всадник. – Как там Остап?

– Еще живой...

Всадник только кивнул, тем самым подтверждая, что чумной не простой трудник или кандидат в монахи, а что-то вроде боевого холопа.

Всего спасителей оказалось пять человек и трое из них направились к старосте ночевать, ну и приглядывать, чтобы в деревне снова каких беспорядков не случилось. Двое ускакали обратно с докладом о подавлении беспорядков.

«Вот и семейке старосты точно кирдык, – подумал Алексей. – Но да сам виноват, что не смог выполнить свои обязанности и прекратить бузу в зародыше».

Ему показалось, что один из воинов болезненно поморщился, когда делал глотательное движение, а значит у него уже есть проблемы с подчелюстными лимфоузлами. Еще один поморщился и как-то перекосился телом, когда поднимал руку. В общем, судя по всему, вся эта боевая группа больна.

Ближе к полудню в деревню снова завились гости. Сразу три священника в окружении десятка бойцов. Слухи до Алексея понятное дело не доходили, никто с ними общаться, тем более после произошедшего не стремился, но если судить логично, то проводили расследование. По деревне то и дело скакали всадники и кого-то под бабий вой таскали на правож.

О том к какому решению пришло следствие их решили оповестить персонально. Один из священников, сказал:

– Слабы люди и подвержены греховным страстям. Но как заповедовал нам господь наш всемогущий прощать врагам нашим, так и вы должны простить заблудших и поддавшихся слепому гневу рабов божьих...

В общем монахи решили все спустить на тормозах. Мертвых не вернешь, ситуация из-за вспышки чумы сложная и не стоит накалять еще сильнее, чтобы в итоге не вспыхнуло да так, что вообще все до основания спалят. Церковникам это надо? Да ни в жизнь!

Так что получилось, что нападению подвергся только дом Матрены, но поскольку неправимого не произошло, то вроде как можно отделаться только строгим внушением, ну и плетей кто-то отведал, если судить по воплям, что некоторое время раздавались по всей деревне. А что касается сгоревших... ну так случаются несчастье, неосторожное обращение с огнем, бывает, обычное дело...

– Отче, баню то хоть восстановят с забором? – спросила Матрена, что своего все же решила не упускать.

– Восстановят, дочь моя... восстановят... Вот как похоронят погорельцев, так и восстановят.

Похоронили в тот же день, благо священники в деревне есть, вот и отпели заодно.

– Всем собраться на молитву! Всем на молитву! – орали проезжавшие всадники, где-то за час до заката.

– А вам что, отдельное приглашение нужно?! – заорал на Алексея с Матреной второй всадник.

– Так болезный я...

– И в доме два еще, – вторила Матрена.

– То нам известно! Но распоряжение отца Тихона обязательно к исполнению всеми! Живо на лобное место! А не то враз батогов отведаете!

Делать нечего, пришлось идти на площадь. Когда все собрались, из дома старосты вышли священники и видимо тот самый отец Тихон толкнул речугу. Если отжать воду, то сводилась она к тому, что бог терпел и нам велел, в общем жить нужно в мире и молиться больше дабы оградить себя от соблазнов греховных и не стать жертвами бесовских козней.

– А теперь помолимся! Ниспросим у господи оградить нас от моровой беды!

«Вот странно, какой смысл просить у Него защиты если мор по мысли тех же церковников – кара господня?» – невольно задумался Алексей.

Деревенские, упав на колени, начали истово молиться, повторяя слова за священником и в этот момент третий священник, что оказывается все это время что-то держал в руках, убрал скрывающую его ношу ткань и оказалось, что в руках он держал икону с изображением богоматери.

– О нет, только не это...

«Они же ее сейчас все целовать начнут! – ужаснулся Алексей. – Долбаные долгогривые кретины! Если бы не вы со своими ритуалами целования крестов и икон, то и эпидемии были бы не столь масштабны!»

– Идиоты! – сдавлено воскликнул он.

Несмотря на то, что они стояли чуть в сторонке от общей массы, на него все равно злобно покосились.

– Тш-ш... – шикнула на него Матрена.

– Матрена...

– Господи помилуй!

– Матрена!

– Чего тебе?!

– Не целуй икону...

– Чего?! – аж глаза выпучила от изумления.

– Икону не целуй!

– Чего это?!

– Заразишься!

– С чего бы это?!

– Чего-чего!.. – вспыхнул он. – С того! Больные ее целуют и если здоровый поцелует после, то тоже заразиться можно!

– С чего вдруг? Это же освященная и намоленная монахами икона! Она сама чистота! Богоматерь ниспошлет нам благодать и защитит от мора...

– Да еб вашу богомать! Какая к херам святость?! Это просто размалеванная не умеющим рисовать уродом доска! И она теперь источник заразы! Ее ведь там в монастыре все больные слюнями своими холерными заслюнявили! Просто сделай вид, что целуешь, но не прикасайся к ней губами!

– Замолчи! Ты говоришь странные и... еретические слова Елисей... если тебя услышат, то тебя...

– Я и так скоро скорее всего сдохну! Просто не целуй... Если ты заболеешь, то не сможешь помочь мне... а я без тебя точно сдохну. Кто станет за мной ухаживать, когда я слягу? А я не хочу подыхать! Слышишь?! Не хочу! – почти истерично сдавленно кричал Алексей.

– Все в руках господи...

– В наших руках! Наших! На бога надейся, а сам не плошай! Бог не помогает тем, кто сам ничего не делает! И не желает развиваться!

На этот раз Матрена ничего не сказала, тем более что они вновь привлекли к себе внимание, что действительно могло для него закончиться чревато. Потому как если их сейчас схватят и посадят в монастырских застенках, то все, он останется без своего готовящегося лекарства.

«Да что б тебя... – мысленно сплюнул Алексей, увидев, что Матрена все же коснулась губами иконы, кою до этого некоторые целовали со всей страстью, в засос. – Но вдруг пронесет?»

Сам он целовать икону понятное дело не стал. Он же точно болен и с гарантией заражать еще возможно чистый предмет культа, который скорее всего сейчас повезут по другим деревням – это преступление.

Хотелось просто выть от бессилия и биться головой о стену от осознания, что подобное сейчас происходит в десятках если не сотнях деревнях, причем не только в новгородских землях, а как минимум еще и в псковских и тысячи, десятки тысяч человек подохнут из-за безграмотности церковников и простых людей не понимающих истинной причины болезни.

«Ну неужели никто не связал скорость распространения и возникновения новых очагов заражения с разъездами именно самих священников с лобызаниями икон?!!» – изумлялся он.

9

Священники, сделав свои дела отправились обратно в монастырь, но перед этим не забыв отдать распоряжение деревенским восстановить баню Матрены, что поротые мужики и сделали, не затягивая с процессом, не желая дольше необходимого находиться рядом с домом, в котором лежал больной чумой.

Радомира кстати тоже оставили. Он все еще мог быть здоров, ибо Алексей не только Матрену заставил повязку на лицо надеть, но и Радомиру лицо обмотал, а также себе и Остапу, чтобы не перхаться на окружающих болезнетворными «палочками». Не то забыли забирать битого опричниками трудника, не то сознательно оставив. Рядом больные чумой и он может заразиться? На все воля господа...

Да и смысл им было забирать Радомира? Кто о нем заботиться станет в монастыре, тем более что ситуация там наверняка уже сложная. Или потому и не забрали, что предполагали худшее, и зачем им тогда еще один больной?

Стоило только мужикам закончить ремонт крыши бани, как Алексей ее тут же ее затопил, чтобы снова пройти процедуру дыхания паром. Это вообще стало его назойливой идеей.

– Дерьмище... – выдохнул он, после того как разделся и проверил свои лимфоузлы.

Все-таки имелся какой-то хлипкий шанс, что он все-таки не заразился, но нет, чуда не произошло, лимфоузлы особенно в паховой области оказались увеличены. Да и пятна по коже пошли, пока еще блеклые.

– Похоже, что даже шести дней у меня нет...

Опять к горлу подступил ком, а на глазах навернулись слезы.

Прошло еще два дня. Алексей проверял сухари на рост культуры плесени и она наконец появилась, пока еще белая из-за чего было непонятно, это то что ему надо растет или бесполезный пенициллин, а то и еще чего похуже.

– Матерь божья! – воскликнула Матрена, когда в очередной раз стала обмывать Остапа в бане при помощи Алексея.

Алексея тоже всего передернуло от вида пациента, потому как его, через некоторое время ожидало то же самое. Для начала резко выросли бубоны, тот, что находился под правой подмышкой реально поражал своими размерами, примерно с мячик для гольфа, остальные с мячики для настольного тенниса. Так же в районе пятен стали образовываться первые язвы, кожа сильно потемнела, местами кровоточила.

Мужика трясло в лихорадке и бредил.

Бубон стал мягким, а значит там теперь копится гной. Еще немного и он пойдет по организму, что вызовет обширный сепсис, потом обширное заражение крови, гангрена и мучительная смерть.

– Что же делать?..

– По-хорошему это все надо резать, так сказать, не дожидаясь перитонита...

– Резать?

– Угу...

– Но... нельзя резать плоть человеческую...

«Тьфу ты! – мысленно сплюнул Алексей. – Ну откуда вообще этот бред в христианстве взялся?! Это при условии того, что отчего-то кастрировать людей им это не мешало!»

– А в бою что делают?

– Так то война...

– А мы наоборот жизнь пытаемся спасти, а не убить! Чувствуешь разницу?!

Матрена неуверенно кивнула.

Алексей может быть и плюнул бы на все это дело с «резьбой по мясу», все равно пациента не спасти, но он хотел, чтобы Матрена получила хоть какой-то опыт правильного удаления бубонов и язв, ведь ей подобные операции придется делать для него. А то полоснет прямо по бубону, чтобы гной пошел как из продырявленного меха, а там надо действовать несколько иначе.

Сам он правда тоже ни разу не хирург, весь его опыт работой ножом – потрошение рыбы, но ведь видел кучу телепередач на эту тему, ну и просто знал общий принцип.

– Неси ножи... будем оперировать.

– Ты уверен?..

– Да! Так же нужна иголка и хорошо бы шелковую нить для сшивания ран, но чего нет того нет, обойдемся твоими волосами... Нужна кипяченая вода и какое-нибудь ведро и короб в которое будем выбрасывать все вырезанное...

Поколебавшись несколько секунд, Матрена чему-то кивнув, начала метаться электровеником принося и готовя требуемое. Алексей же подготовил освещение, ставя кучу лучин в держатель. По-хорошему пациента требовалось вынести на улицу, под солнечный свет, но если деревенские увидят, чем они занимаются, то точно сожгут, как колдунов и еретиков.

– Как говорится, хорошо зафиксированный пациент в наркозе не нуждается...

Алексей хорошо увязал Остапа на лавке, так чтобы не сильно мешал своей тряской.

Наконец все было готово.

Алексей взяв самый маленький нож, прокалил его в огне.

– Это чтобы заразу на нем убить... – прокомментировал он, увидев недоуменный взгляд Матрены отчего ее взгляд стал еще более вопросительным. – Так надо. Запомни это. Поняла?

– Хорошо...

– В общем навались на него, чтобы не дергался и смотри как правильно резать... не прямо по центру этого вздутия, так только гной брызнет во все стороны, а вот так, со стороны... режем по дуге... теперь с другой стороны... вот так... а теперь самое трудное... отделить этот бубон от тела, чтобы он при этом не лопнул...

Алексея подташнивало, пот лился со лба ручьями, ну и видно было не очень хорошо. Все-таки огонь в очаге и лучины – это не лампы, даже керосиновые.

И хоть оперировал он первый раз в жизни, но вырезать бубон получилось на удивление удачно... словно по принципу: «дуракам везет». После чего, выдернув из головы женщины несколько волосков, зашил рану.

Алексей все-таки не выдержал и блеванул.

– Проклятье... Все видела? – прополоскав рот, обратился он к Матрене.

Та не реагировала, глядя то на разрез, то на вырезанный бубон.

Пришлось приводить ее в чувство легкой пощечиной.

– Все поняла? Теперь давай ты с другой стороны... тут поменьше...

– Нет Елисей! Я не стану! Нет!

– Режь! Ну!!!

Алексей буквально силой вложил нож в ее руки, что она даже отвела за спину.

– Режь, твою мать!!! Это твой долг! Если не вырезать, то он умрет! Слышишь?! Умрет! И его смерть будет на твоей совести! Это твоя епитимья! Ты отказываешься ее выполнять?!

– Нет!

– Что «нет»?! Не будешь резать или не отказываешься выполнять епитимью?!

Это несколько сбilo истерику и Матрена взяла нож дрожащей рукой.

– Успокойся... Давай начнем с простого – удаления язв. Тут все точно так же, только проще. Режь вот здесь, так и вот так, – показал Алексей щепкой, где надо резать. – Давай, ты сможешь. Это так же просто как резать мясо. Давай! Режь!!!

Матрена дрожащей рукой поднесла нож к коже Остапа.

– Ну!

Нож вспорол кожу, потекла кровь.

– Глубже! На ноготь в глубину!

Кровь потекла обильнее, и Алексей полил водой, смывая ее.

– Ну вот, другое дело... Теперь с другой стороны... убираем и зашиваем... Тут двух стежков хватит. Ну вот, видишь, ничего сложного...

Матрена, бледная как мел попыталась улыбнуться в ответ, но получилось откровенно криво.

– Давай еще, для закрепления материала вот эту язву удалим...

Со второй язвой оказалось проще. Третью язву кромсала как заправский хирург. Пациент кстати, почти не доставлял неудобств.

– А теперь бубон... – сказал Алексей, в очередной раз меняя лучины.

Со «своим» бубоном успокоившаяся Матрена, словившая своеобразный эмоциональный дзен: исчезли слезы с соплями, стала собранной и какой-то отрешенной, справилась на удивление отлично. Можно сказать у нее открылся природный дар хирурга. С подчелюстными бубонами так же все получилось хорошо, они там еще были твердые, так что вырезать их оказалось проще простого, Алексей только голову пациенту держал крепко, чтобы не мотал ею туда-сюда.

А вот с паховыми... там все обстояло плохо, большие, мягкие, того и гляди, сами лопнут, а что еще хуже, с неудобным доступом. Может еще пациент дернулся в самый ответственный момент и в общем порезали «мешок» и из него хлынул тошнотворной гной. Сблевал не только Алексей, но и Матрена.

– Режем дальше, – выдавил из себя Алексей, проветрив баню и снова сменив лучины. – Моем и вырезаем мешок...

Со вторым тоже получилось не слава богу. Матрена откровенно устала. Снова потек гной.

– Давай я остальные язвы удалю...

Язвы на фоне бубонов – сущий пустяк, так что с ними Алексей разделался за полчаса.

– Он выживет? – вдруг спросила Матрена.

– Мы сделали для этого все возможное... А не только молились.

Матрена как-то странно посмотрела на Алексея, чему-то кивнула и пошла в дом.

Что до прооперированного, то прогнозы на его выживание Алексей делал отрицательные. Сепсис неизбежен и подавить его нечем. Банального йода нет, да даже слабой браги у Матрены не имелось. Это по мнению Алексея оказалось его упущением, следовало озаботиться получением более действенным средством для дезинфекции, но голова соображала уже откровенно плохо.

«Да, надо посмотреть, как там моя плесень поживает», – подумал он и тоже пошел в дом.

10

– Ч-черт... долбаный пенициллин... – ругнулся Алексей в очередной раз проверяя горшочки с сухарями.

Из белой, плесень в этом горшочке на сухарях превратилась в зеленую. А ему, если верить увиденному в интернете требовалась серая.

– Разве что там помимо пенициллина есть еще и то, что мне нужно? – задался он вопросом.

Матрена давно испекла хлеб. Караваи Алексей порезал на ломтики и засушил. Теперь требовалось размножить необходимую культуру и вот с этим пока не все хорошо.

Алексей под любопытно-напряженным взглядом Матрены, затаив дыхание вскрыл следующий горшочек.

– И тут дерьмо...

Руки задрожали, в горле встал ком. Если он не найдет серой плесени, то все, конец. Второй попытки получить требуемое у него не будет. Общее состояние ухудшалось стремительно, быстро растут бубоны и появились первые признаки появления язв из-за которых тело все чесалось. Жар, головная боль, муть в глазах, зрительные и слуховые галлюцинации (просто неприятные эффекты в виде цветowych пятен, размытой картинки и неприятного шума в ушах), это все шло фоном. Еще день, максимум два и он станет совсем никаким.

Следующие горшочки Алексей потрошил все ускоряющимся темпом уже не разбирая надписи без системы, просто хватая первый попавшийся и вываливал сухари на стол, быстро их осматривая. И надо же, словно в насмешку именно в двух последних горшочках, в тех, что культивировались грибы из земли и ротовой полости Матрены, на хлебных сухарях виднелась серая пушистая грибковая поросль.

Руки задрожали еще сильнее. Он даже потер глаза, чтобы удостовериться, что это не обман зрения из-за желания увидеть именно то, что видит.

– Теперь осталось понять, оно это или не оно...

Ведь могло стать так, что автор статьи присобачил какое-нибудь «левое» изображение чашки Петри с серой плесенью, потому как о том, что плесень должна иметь именно серый цвет, он узнал именно из той единственной статьи с изображением. Ни в каких других статьях цвет плесени не обозначался.

Проблема заключалась в том, что в одной из статей посвященных вообще плесени как таковой Алексей как-то прочел, что именно серая плесень является одной из самых токсичных, но статья имела лишь самый общий смысл, то есть без указания, какая именно плесень дает этот токсичный цвет, лучистые грибы – актиномицеты или что-то другое.

Он осторожно понюхал плесень, нос работал плохо, но тем не менее почувствовал, что она давала тот самый нужный землистый запах.

– Вроде оно... в любом случае выбрать не приходится.

Алексей начал рассаживать обе полученные культуры на свежие сухари. На рассаду потратил примерно по четверти от объема кучек.

– И вот еще один вопрос, сколько есть? Мало – не подействует, так еще и чумная палочка сука может приспособиться и выработать иммунитет... много – сам откинешь копыта от побочки, печень отвалится на раз... Испытать бы на ком...

Алексей посмотрел на Остапа. Тот был совсем плох. Еще день два и все – помрет. Собственно Алексей удивлялся тому, что тот все еще жив.

«Наверное почти подобрался к пяти процентам, что имеют шанс выжить, но «почти» не считается», – подумалось ему.

К тому же испытания – это потеря времени, а у него его и так немного.

– Жрем по... вот столько...

Алексей взял сухарик размером примерно с два кубика рафинада. Вздохнул как перед прыжком с трамплина в холодную воду и закинул плесневый хлеб в рот. Далее начал вдумчиво жевать, тщательно давя рвотные позывы. Не то чтобы вкус плохой, скорее чистая психология. Прожевав ту культуру плесени, что получилась из земли, закинул в рот вторую порцию, что вырастил из соскобов с ротовой полости Матрены.

– Четыре раза в день по две культуры, – обозначил он себе рецептуру что называется «с полотка».

Посмотрел на остатки. Стало ясно, что на сегодня и возможно завтра еще хватит, а потом плесень переспеет и став черной, начнет выделять ядовитые токсины. А значит большую часть придется выбросить.

– Потратим на Остапа...

Кусочки сухарей с плесенью развел в крынке и сказал Матрене:

– Напой его...

Так кивнула.

Понаблюдав за процессом, Алексей подумал, что даже если поможет, пациент сдохнет от раневого сепсиса. Раны после операции выглядели паршиво, особенно в паховой области, покраснели и вздулись, ну и смердели гноем.

– Хм-м... гулять, так гулять...

Взяв кусочки сухарей с зеленой плесенью, он начал их мять пальцами, добиваясь пластилиновой консистенции, добавив немного хлеба с серой плесенью.

– Что ты хочешь сделать? – все же спросила Матрена, увидев, что Алексей стал разматывать тряпки игравшие роль бинтов.

– Попробую подавить заразу еще и снаружи, – ответил Алексей и стал, отщипывая по маленькому кусочку от получившейся колбаски, а потом засовывать эти отщипы в раны предварительно срезав швы. – Хлеб в ране, конечно, не самая полезная штука, но тут уже не до сантиментов со стерильностью... промоем.

Алексей буквально поселился в бане при любой возможности дыша горячим паром. Что до самопального лекарства из плесени, то утренний и обеденный прием прошли в общем-то без последствий, разве что чуть живот покрутило, а вот принятая доза перед ужином дала о себе знать побочным действием. Начался сильный понос.

Прочистило его знатно, едва на ногах стоял. Пришлось восполнять потери организма в жидкости, благо он ожидал подобного и подготовился, вскипятив примерно литров десять.

Четвертый прием лекарства перед сном так же ознаменовался поносом, еще более жестоким чем в первый раз, поле которого Матрене пришлось затаскивать Алексея в дом на себе, так сильно он ослаб от обезвоживания.

– Может не надо? – спросила она поутру, когда Алексей, выбрав подходящий на вид кусочек хлеба с плесенью, отщипнув и выбросив черное пятнышко, закинул его в рот.

– Надо...

Все повторилось, но на этот раз еще добавилась рвота.

Остапа кстати тоже несло, так что его тоже фактически поселили в бане. Алексей, чуть придя в себя, проверил его раны. Улучшений особых не увидел, но вроде, как и хуже не стало. Промыл раны от старого хлеба и напихал нового. Появились свежие язвы, но оперировать их не стали. Мужик фактически отходил в мир иной.

– Пообещай мне, что будешь скармливать мне плесень... и размножать ее, как я тебе показывал... – едва ворочая языком, чувствуя что вот-вот отключится, попросил Алексей.

– Елисей...

– Пообещай!

– Обещаю...

Алексей продержался во вменяемом состоянии еще сутки, после чего погрузился в пучину полусознательного существования, то погружаясь в горячее состояние и бредя, то немного всплывая и озираясь бессмысленным взглядом не понимая, где он и что он.

– Пей Елисеюшка...

Алексей пил. Потом блевал и срался находясь в горячечной лихорадке. Снова пил.

Потом видел, как Матрена склонилась над ним с ножом в руке. Боли от разрезов практически не чувствовал.

– Давай помолимся господу нашему о милости исцеления Елисеюшка! – рыдала над ним женщина.

– Давай...

Вот только из-за воспаленного сознания, начал читать не совсем ту молитву, что требовалось, а из бытности свою сектантом, кою выучил в детстве:

– Великий Велес! Отец наш!
Как обращался раз за помощью спасти меня,
Так и прошу сейчас!
Боги Рода, помогите!
К жизни верните!
Исцелите и сохраните!
Все плохое, все болезни ветром унесите!
Водой размойте! Огнем сожгите!..

– Молчи! Молчи! – запричитала запаниковавшая Матрена, хотя все происходило в бане и никто их услышать не мог.

А Алексей все не унимался.

– Милосердная мать Жива,
Ты есть сам Свет Рода Всевышнего,
Что от болезней всяких исцеляет!
Взгляни на внука Дажьбожьего,
Что в хвори пребывает.
Пусть познаю я причину болезни своей,
Пусть услышу голос богов,
Что сквозь хворь говорят,
И на стезю Прави направляют...
Узри богиня, что постигаю я истину,
А от этого здоровье и бодрость ко мне возвращается.
Долголетие в теле утверждается, а болезни отступают!
Пусть будет так!
Слава великой Живе!

Матрена смотрела на своего пациента, вновь погрузившегося в бессознательное состояние Елисея и что-то нечленораздельно забормотавшего, круглыми глазами. По ее понятиям – он сейчас говорил со старыми богами.

Несмотря на все старания священников вера в старых богов все еще теплилась в душах людей, особенно в отдаленных местах, куда священники лишней раз не заглядывали. Вот и в Матрене в этот момент что-то перевернулось. Наверное повлияло и то, что язвенные раны на Остапе из горячечных и воспаленных, смердящих гноем стали вдруг приходить в норму... И все благодаря действиям Елисея, что в ее понимании оказался приверженцем старой веры, да

еще и ведуном, раз ведает как лечить страшную болезнь, кою представители Христа называют карой господней и призывают только молиться богу, чтобы тот проявил к ним свою милость и исцелил, больше ничего для выздоровления не делая. Вот только называемый милосердным господь, отчего-то проявляет свою милость к своим рабам крайне редко. В общем образовался классический кризис веры да еще на старых дрожжах... ведь одна она осталась, все ее родные так или иначе погибли и это милость? А поповская отговорка на все случаи жизни: «пути господни неисповедимы» и раньше не особо утешала, а теперь так и вовсе бесила.

Вспомнила она и то, как неохотно с постным лицом читал молитвы и крестился Елисей.

– И от целования иконы отговаривал... – вспомнила она очередной эпизод. – Заразная дескать...

Матрена принялась себя ощупывать в тех местах, где железы расположены, что бубонами становятся и с ужасом осознала, что они увеличились.

– Заболела... Господи помилуй! Спас...

Но слова молитвы оборвались на полуслове от пришедшей в голову мысли.

– Заразили... Заразили попы проклятые! Специально! Окончательно извести хотят люд новгородский!

Вспышка ярости, когда хотелось бежать и поделиться своей вестью с окружающими чуть притихла, разум возобладал и Матрена затаилась, внутренне окончательно переродившись.

Съев хлеб с плесенью, она, затушив огонек лампадки под иконкой, упав на колени спиной к «красному углу» и приложив ладони к солнечному сплетению, зашептала:

– Великий Велес! Отец наш! Обращаюсь к тебе я – душа заблудшая, к свету истинному вернувшаяся, спаси меня...

11

Выздоровление Алексея шло трудно, дорогой ценой, но шло, выращенная им плесень все-таки худо-бедно, но работала, подавляя чумную палочку и в какой-то момент он понял, что кризис миновал.

– Ох м-мать...

Стоило только ему попробовать приподняться на локте, как в правом боку словно ножом резанули. Пощупав живот он только мысленно кивнул и скривился.

– Ожидаемо...

Печень увеличилась в размерах, как у алкоголика с многолетним стажем после особенно затяжного запоя. Она явно не справлялась с работой по очистке организма от выделяемых плесенью токсинов. Но он все-таки извернулся и принял сидячее положение.

– Уф-ф...

От предпринятых усилий он аж весь вспотел, тело стало дрожать от слабости, а так же начало мутить от возникшего головокружения и шума в голове. О том, чтобы куда-то в таком состоянии пойти не могло быть и речи. В помещении густо воняло рвотой и дерьмом, это при том, что нос еще плохо работал.

Вошла Матрена с кувшином в руках.

– Елисей!

– Ну и видок у тебя мать... – прошептал он. – Краше в гроб кладут...

Выглядела женщина и впрямь плохо, словно постарела на десяток с лишним лет, серая кожа, под глазами темны круги.

– А ты и вовсе как вурдалак! – засмеялась она сквозь слезы.

– Да уж... кожа да кости... да и кожа...

Только сейчас Алексей отметил сильную желтушность. Неудивительно при едва работающей печени.

«А глаза у меня должны быть сейчас как у дарта Сидиуса...» – невесело усмехнулся он.

– Дай попить... Это вода? А то горечь во рту как от полыни...

– Да, вода... чистая.

Алексей напился.

– Долго я лежу?

– Седмица уже прошла...

– Могло быть и хуже... А ты как? А то видок у тебя и впрямь...

– Тоже заболела, но сразу стала есть твое лекарство, так что убереглась от тяжелой хвори, язвы так и вовсе не появились, только бубоны начали расти, но и они почти сошли.

– Ну и слава богу...

– Слава, – кивнула Матрена, сверкнув глазами.

Алексей краем сознания отметил, что что-то не так, не правильно в поведении женщины, но ему сейчас было откровенно не до копания в странностях. Думалось вообще очень плохо. Хотелось просто подышать свежим воздухом и отмыться. Жопа чесалась просто неимоверно, казалось, что туда кислоты плеснули.

– Как обстановка в деревне?

– Чума накрыла нашу деревню...

Алексей только кивнул. Это было неизбежно после иконоцелования. Да и потом, когда болезнь проявилась у людей более явно, монахи наверняка опять навевывались с чтением молитв и целованием предметов культа, что гарантировало заражение вообще всех.

– Много померло?

– Не очень... Только семья старосты в полном составе преставилась, да еще старики все, да часть совсем малых... – всхлипнула Матрена. – А так я всем твое лекарство давала... кто не хотел есть, те померли, а кто ел – живы.

Алексей невольно замер, пытаясь осознать, чем ему это все грозит. Ведь церковники наверняка начнут копать в попытке понять, почему это в деревне так много выживших и конечно же докопаются до истины. И снова не смог додумать мысль.

– А в городе?

– Не знаю. Даже что в соседних деревнях творится не ведаю...

– Ладно... я похоже уже оклемался, так что можно больше не давать питье с плесенью, а то подохну не столько от чумы, сколько от лекарства. Только если вновь хуже станет...

– Хорошо... Сейчас киселя густого сделаю!

– Давай...

Начался апрель, только привычным весенним духом с капелью и журчащими ручьями даже не пахло. Погода стояла все такой же хмурой, холодной с регулярными снегопадами, нагоняя тоску.

«Ну да... Малый Ледниковый Период мать его ети, – вспомнил Алексей. – Через двадцать лет будет его пик, случится год без лета, когда даже летом станет идти снег и вроде даже как реки встанут, покрывшись льдом».

Точную дату Алексей не помнил, но ему это было и не важно, по крайней мере сейчас. Оклематься бы окончательно. Лечение чистой культурой плесени не осталось без негативных последствий для него. Просело зрение, да и слух стал подводить, особенно правое ухо, процентов двадцать точно потеряло. Но это можно сказать еще легко отделался.

Остап... а он, к изумлению Алексея, выжил, судя по всему, вообще оглох, если не реагировал на звук, а что со зрением – еще не все ясно, но тоже надо думать не ахти. Правда если Алексей уже начал ходить по двору, то Остап все еще валялся, так же превратившись в скелет обтянутый желтой кожей, но этот недостаток постепенно исправлялся благодаря довольно обильному питанию и лечебным взварам на основе семян льна, что хорошо чистили печень.

А вот трудник Радомир, тот так же к немалому удивлению Алексея, наоборот помер. Может из-за ранее отбитых опричниками почек и печени с прочим ливером, те не выдержали нагрузки, ну и все...

Кстати о хорошем питании.

– Откуда такое богатство? – удивился Алексей, когда Матрена поставила ему тарелку с гречневой кашей заправленной мясом.

Он сильно сомневался, что на сие расщедрились монахи. Уж в чем-чем, а в щедрости эти сквалыги замечены ни разу не были, вот в жадности, это да... натуральные ростовщики в рясах. Да и пост какой-то очередной шел...

– Запасы семьи старосты выбрала. Они как слегли, так и все... никто к ним не совался. Ну я и подумала, чего добру пропадать? Вот и вынесла все за несколько ночей.

– Ну да...

«Ой, чего-то ты темнишь с этой семейкой старосты, – вдруг подумал Алексей, быстро стрельнув глазами на держащую невозмутимый вид Матрену. – Как-то подозрительно, что они все подошли и никто не выжил. Все отказались есть плесень? Сомнительно. Жить захочешь, чего только не сожрешь... А что я, собственно, знаю о ее взаимоотношении со старостой? Да ничего... в подобных деревеньках иной раз такие страсти бушуют, что Шекспир курит в стонке...»

Алексей даже утвердился в мысли, что Матрена, воспользовавшись моментом, действительно их всех порешила, подсунув под видом лекарства яд, но копать дальше не стал – не его

дело. Может староста ее домогался или просто гнобили за что-то? В любом случае это все дела прошлого, что никак не изменить, а значит и копать не надо.

Реабилитация длилась еще месяц и лишь в первых числах мая наконец почувствовался приход весны, хотя тоже не сказать, что бурной. Тем не менее Алексей чувствовал себя к этому моменту весьма сносно. Хорошее питание сделало свое дело. И даже Остап уже стал напоминать живого человека, а не ожившего мертвеца, только что восставшего из могилы. Слух он потерял хоть и не полностью, но приходилось фактически кричать в ухо, чтобы он услышал. Зрение тоже сильно потерял, только то, что на расстоянии вытянутой руки более-менее видел и то мутно.

«Надо бы ему очки надывать, вроде давно уже в ходу должны быть... может хоть немного улучшат его положение, – подумал Алексей. – Но про воинскую стезю ему в любом случае придется забыть, глухому и почти слепому на поле боя не место».

Остап это сам прекрасно понимал.

– Лучше бы помер... – глухо ворчал он, находясь в жесточайшей депрессии.

– Раз не помер, то значит так нужно господу, – ответил на это Алексей отмазкой на все случаи жизни. – Он проявил к тебе свою милость и отвергать ее не самая лучшая идея.

На это Остап ничего не ответил.

Алексей как пришел в себя и понял, что смерть пока, так сказать, отступила на перегруппировку, снова начал думать о том, как быть дальше, ну и пытался рассмотреть этот вопрос через использование ресурсов Остапа. Дескать какие-никакие связи у него есть в той же воинской среде, авось чего выгорит? Тем более что жизнью обязан, Алексей специально этот момент озвучил, дескать, если бы не мной созданное лекарство, то гнил бы давно в земле, червями пожираемый, ну и по всем понятиям спасенный должен отплатить спасителю верной службой. Другое дело, что Остапу подобная жизнь была не мила, да и сам он откровенно говоря по большому счету бесполезен и это все сильно осложняло. Мог откровенно послать на три буквы. Так что канон в этой части пока не спешил срабатывать.

«Ладно, подождем еще немного, торопиться особо пока некуда, а там глядишь немного отойдет и тогда уже будем давить на совесть и прочий долг, что платежом красен...» – думалось ему.

12

Но как известно, человек – полагает, а бог – располагает. В конце мая в деревню вновь заявились монахи, на этот раз знакомый Алексею отец Михаил.

– Как поживаешь, сын мой? – после всех ритуалов спросил монах у Алексея.

«Пока ты не приперся, было хорошо», – подумал он, но ответил другое:

– Милостью божьей, исцелился, отче. Нужда во мне, как в кузнеце возникла?

– Нет. Да и слаб ты пока молотом махать, это я вижу.

– Тогда для чего?

– Мор в Великий Новгород пришел... то кара господня за грехи его тяжкие, – перекрестился священник, ну и Алексей заодно с Матреной. – Но хоть и в гневе господь, наш долг нести людям облегчение... Ты не из крестьян в работе с землей мало что смыслишь...

Ну да, началась посевная, точнее пахота. В районе Новгорода пшеница росла плохо, завозной продукт, но зато хорошо рос лен, вот его и сажали. Выжившие после чумы мужики, шатаясь, шли за сохой...

– Тогда зачем вам я? – спросил он, уже догадываясь, что нужен медбрат и мальчик на побегушках.

– Сопровождать меня, сын мой. Мне может потребоваться различная помощь...

«Уроды! – мысленно взвыл Алексей. – Только ведь вылечился и снова в чумную атмосферу нырять!»

Негодование его было понятно, ведь иммунитет от чумы вырабатывается слабый, так что повторное заражение весьма вероятно. Но и отказаться тоже не выход. Так-то можно, наверное... но Алексей увидел в этой службе возможность познакомиться с жизнью в Великом Новгороде и вообще осмотреться под прикрытием Церкви, что дорогого стоит.

«Может даже удастся с кем-то нужным познакомиться и как-то законтачить, двинув пару своих идей», – размышлялся он.

– Хорошо, отец Михаил... господь был милосерден ко мне и он учил помогать ближним своим...

– Истинно так, сын мой!

– Я тоже отправлюсь в город помогать людям, – сказала Матрена.

– Хорошо, дочь моя, твои руки лишними не станут, – согласился монах. – Обстановка в городе очень непростая...

Вообще Алексей этому удивился. Если уж в монастырь чума пришла из Новгорода, то в самом городе к этому времени пик заболеваемости уже должен был пройти. Но вот отец Михаил говорит, что в городе вспышка чумы только-только случилась.

Как выяснилось из аккуратных расспросов по дороге в монастырь, то все оказалось несколько не так, как думал Алексей. Новгородцы все-таки оказались не дураками и клювом не щелкали. Узнав о чуме в Пскове (Остап со своим отрядом заразился как раз не в Новгороде, а в псковских землях), они своевременно организовали карантин и в город никого не пускали, так что зиму и начало весны продержались. Но зараза все-таки нашла лазейку...

«Как бы не священники и принесли чуму в город, – подумал он. – Им ведь особо во въезде не откажешь. Да даже если не они, то какие-то торговые контакты все равно происходили, то же продовольствие в город нужно завезти, а это рабочие между собой общаются, а могли и с крысами блохастыми чуму получить».

В общем вспышка чумы началась именно в конце весны, когда люди сильно ослабли от бескормицы и довольно мощная, здоровье у всех ослабло.

Кстати говоря, в Свято Юрьевском монастыре чума особо не бушевала, хотя Алексею казалось, что там вообще все должны вымереть как динозавры. Но нет, не вымерли. Хотя оно

и понятно, монахи тоже не совсем кретины и всех кто имел признаки болезни из числа трудников да прочего обслуживающего персонала из монастыря тут же спроваживали в деревеньки под присмотр бобылок вроде той же Матрены, а к больным священникам приставили ограниченный круг низкоранговых иноков в роли медбратьев в отельном помещении, организовав внутренний карантин. Опять же при обычном богослужении предметы культа целуются не часто. Но всё, конечно, списывали на святость места, а так же на то, что они все верные слуги господина, потому гнев Его их особо не коснулся. Хотя все-таки потери есть, раз тому же отцу Михаилу в качестве помощника привлечь не молодых монахов, а едва выздоровевшего трудника.

– Матрена, у тебя осталась еще плесень?

– Да.

Алексей удовлетворенно кивнул. Все-таки имея возможность помочь, стоять безучастно и смотреть как сотни, а то и тысячи людей мрут на его глазах, он не сможет. Другое дело, что это надо еще как-то провести через монаха, а он может воспротивиться кормлению больных плесенью, дескать, ведьмовство нечистое! Ну и самим придется для профилактики жрать.

«Печень моя печень... только в норму стала приходиться», – тяжело вздохнул он.

Обычно шумный город выглядел пустынным, что и неудивительно при начавшемся море, все в страхе засели по домам и лишь отдельные личности по особо острой нужде пугливыми рыбками носились по улицам. В домах, где обнаруживалась болезнь вывешивались куски ткани.

Раскачиваться долго не стали, отцу Михаилу дали несколько кварталов, кои ему предстояло окормлять, что и принялся делать со всем жаром. С молитвами входил в дома с больными чумой и читал над ними молитвы и вед душеспасительные беседы.

«А где пидорас этот? – вспомнил Алексей о втором священнике. – Остался в монастыре как самый хитрожопый? Все-таки надеюсь, что подохо... они ведь заднеприводные должны друга друга заражать особенно активно и надежно, хе-хе...»

– Зачем это? – спросил отец Михаил, показа на тканевые повязки, коими Алексей и Матрена замотали носы и рты при входе в дом.

– От заразного воздуха бережемся, отче... – ответил Алексей.

– Что за глупости?! Снимите немедленно!

– Но, отец Михаил...

– Снимите! Люди слабы и невежественны! Сейчас так особенно мнительны. А ну как кто-то решит, что вы под тряпками не молитву читаете, а колдовские проклятья произносите?! Вы еще богомерзкие клювы вороньи на себя нацепите, как поганые латиняне делают!

Пришлось снять. О том, чтобы начать давать хлеб с серой плесенью Алексей даже заикаться не стал, но и смотреть как люди фактически сгнивают заживо было выше его сил. Так что требовалось найти какое-то решение и он его нашел.

– Отче... – осторожно произнес Алексей после очередного сеанса лечения чтением молитв и целования иконы, причем целовали икону не только больные, но и возможно еще здоровые члены семьи, а так же челядь.

У него возникла одна идея, кою Алексей намеревался продвинуть, воспользовавшись физической и эмоциональной усталостью священника. Если идея выгорит, то он получит некоторую свободу в действии при лечении больных.

– Что, сын мой?

– За сегодня мы так всех не обойдем...

– Да... много людей нуждаются в утешении и в исповедовании... Но ничего, завтра всех оставшихся посетим.

– А может поступить иначе, отче?

– Как?

– Собрать всех больных в одном доме. Их много пустых стоит. В итоге вам отче легче будет сразу над всеми молитву читать...

– Мало кто согласится... особенно из знати и имеющих достаток...

– Вот к ним и будете наведываться лично отче. Зато какое облегчение в остальных случаях, и вся паства под присмотром. Я же с Матреной и прочими добровольцами, станем приглядывать за больными, пока вы отсутствуете.

– Это звучит разумно... – произнес монах немного подумав. – Да, так и надо сделать. Скоро будет много смертей и придется большую часть времени тратить на отпевание усопших, а не творить молитвы над живыми лишая их тем самым господней благодати...

Прозвучало как-то двусмысленно, но Алексей не стал даже заикаться об этом.

Отец Михаил настолько загорелся идеей, что даже отметил посещение следующего страждущего духовного очищения, а пошел договариваться к своему начальству об организации общего «чумного дома», как подобный стационар обозвал про себя Алексей.

Идея понравилась и прочим церковным деятелям. Но оно и понятно, лучше всех в одном месте отмаливать, чем сбивать ноги шатаясь от дома к дому и терять время.

Под первый такой чумной стационар отдали пустующий особняк не то боярина, не то богатого купца. Пустое строение в три этажа отлично подходило для задумки и вскоре в него стали сносить больных с района, что отдали под курирование отца Михаила. Подобные же чумные дома организовали в других концах города.

Отец Михаил с утра, собрав всех больных во дворе, читал молитву, обильно брызгал святой водой, давал поцеловать им чудотворную икону и отправлялся исполнять свои обязанности в богатые дома. Как только он уходил, больные попадали в распоряжение Алексея и Матрены, а уж они принимались за реальное лечение.

Культуру лучистых грибов за эти дни вновь размножили, кусочки плесневого хлеба размешивали в квасе, что неплохо маскировал специфический привкус и давали его пить. Ну и баня конечно, благо она на этом подворье имела большую и через нее можно было прогнать сразу по десятку человек.

– А теперь дышим паром святой воды! – наставлял пациентов Михаил и сам активно дышал через берестяную воронку-рупор. – Вдыхаем глубоко, чтобы пар святой воды проник по всему телу!

А чтобы подготовить людей к операции по удалению бубонов и язв, добавлял:

– Сейчас ваши тела напитаются через дыхание пара святой воды святым духом и он начнет очищать плоть и кровь от нечистот, что скапливаются в железах и проявляются на коже гнилостными язвами и их надо будет удалить и промыть святой водой. Видите, как у меня? – показал он на свои свежие шрамы.

– Так ты тоже болел?!

– Да! И исцелился! Все благодаря вдыханию пара святой воды и удалению нечистот, что она из меня таким образом вымыла в бубоны и язвы!

Личный пример всегда работает лучше, чем просто указание и объяснение того, что и как нужно делать. Пациенты после того, как увидели исцелившегося, сильно повеселели и этот психологический настрой тоже благотворно сказывался на общем состоянии больных, все не в унынии пребывать, заранее себя похоронив.

В общем люди дышали «святым» паром как не в себя, чуть ли не до драк не доходило, когда кто-то задерживался у камней, чтобы сделать лишний вдох.

– Успокойтесь, святого пара хватит всем и перебарщивать тоже не надо, а то легкие сварите. Три вдоха и отходим читать молитву...

Метод лечения «святым паром» был согласован с отцом Михаилом.

– Пусть вдыхают пар от святой воды, пьют святую воду и обмываются ею.

Отец Михаил крепко призадумался. То, что предложил его трудник звучало не то, чтобы богохульно, но как-то с подвохом что ли. По идее ведь должно хватать лишь обрызгивание святой водой во время молитвы для очищения от скверны и осенением благодати, а тут и пить, и дышать, и даже мыться ею...

– Лучше уж так... – наконец сказал он с тяжким вздохом. – А то ведь совсем до ересей откровенных доходит...

– Каких, отче?

– Иконы жгут, сын мой... Представляешь? Жгут старые домовые иконы и пепел от них оставшийся смешав с вином, пьют!

«Ну это еще что, – невесело усмехнулся Алексей, – вот когда мочу младенцев или девственников пить начнут, да воду хлебать в коей ноги отшельники или там юродивые мыли, вот где дичь будет!»

13

Алексей сидел хмурым в своей каморке – комнате без окон для слуг, что на первый взгляд можно было спутать с чуланом. Впрочем, кто слуг да еще из числа холопов считает за людей? Такие же вещи, только живые и неча их баловать, пусть в подсобном помещении ночуют вповалку, набившись как сельдь в бочку.

Что до недовольства, то причин для него хватало. Во-первых, изначальный план не срабатывал и перспектив для срабатывания не просматривалось. То есть не получалось заполучить себе на службу лично обязанных жизнью и здоровьем людей. А кто он есть такой в глазах этих людей? Правильно, всего лишь помощник отца Михаила из разряда подай-принеси-пошел-нафиг. Он ведь даже не послушник – трудник. Так что вся слава доставалась монаху.

А вообще Алексей посчитал, что ему сильно повезло с чумой. То, что заразился это конечно наоборот не повезло, но у него создалось стойкое впечатление, что данный штамм какой-то слабенький. С чего такие выводы? Все просто, на удивление малая смертность и общая заразность несмотря на все старания священников сующих зараженные иконы и кресты пастве в рот.

Обычная математика дает повод считать, что штамм чумы пройдя процесс мутации ослаб. Алексей даже проводил параллель с КОВИДом, сначала охрененная смертность, а через три года проходит по разряду обычного гриппа.

Что до математики подтверждающей сей вывод, то изначально в городе насчитывалось порядка тридцати тысяч человек. Около трети извел Иван Грозный, часть разбежалась, часть померла с голодухи и осталось еще десять тысяч человек? Вопрос на засыпку, сколько в итоге померло от чумы? По всему выходит, не так уж и много. По крайней мере не сравнить с пандемией двухсотлетней давности 1350-52 годов, когда вымирали напрочь целые города, те же Белоозеро и Глухов, да и прочие города теряли до девяносто процентов населения, что как раз соотносится со средним процентом выживания при заражении.

А тут, всего-ничего. Псков тоже не сказать, что сильно пострадал, так что в общем-то нет ничего удивительного в том, что такое паллиативное лекарство как плесень с мизерным лечебным эффектом оказалась действенной. Фактически она стала той подпоркой, пушинкой перевешивающей чаши весов, что помогала выкарабкаться...

Но это все ерунда по сравнению со второй причиной недовольства, что могла в скором времени привлечь к нему ненужное внимание и, внимание это может стоить ему жизни, причем весьма болезненным способом, ибо в эти времена знают толк в извращениях в плане пыток ближнего своего. Все дело в том, что со своей плесенью он сильно подставился. Из-за нехватки жизненного опыта не просчитал возможные негативные последствия. Слишком импульсивно действует. Но как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Процент выживших в чумном стационаре отца Михаила значительно превосходил таковой у остальных монахов, курировавших подобные дома. Пока что это было не сильно заметно, но люди ведь не слепые, а в это время они способны подмечать и не такие мелочи, тем более напрямую касающиеся их жизни, так что вскоре слухи пойдут.

Алексей, как только понял это, попытался нивелировать проблему попросив отца Михаила освятить хлеб, ну и сделать вид, что благодаря освящению на хлебе выросла целебная плесень, коя и способствует выздоровлению. Даже удивился, что с самого начала об этом не подумал... Но и после этого в чистом виде плесень давать не рисковал. Очень уж неоднозначно все с ней, ведь она по своей сути аспект разложения, ветхости, то есть смерти.

И все бы ничего, но рано или поздно начнут копать. Собственно первый звоночек уже прозвенел, причем со стороны самого отца Михаила.

– Странные дела творятся, сын мой... – произнес он устало в одну из тех редких минут, когда его пробивало на поговорить с трудником.

Да и было тех свободных минут? А если и было, то пересекались они все-таки редко. Это при том, что отец Михаил относился к числу молчунов, потому и подался в монахи, а не классические священники коим требуется хорошо подвешенный язык для общения с паствой.

– О чем вы, отче?

– Да вот исцеляются люди в нашем доме куда как чаще, чем в своих домах, хотя и воду я им освящаю и хлеб так же, как здесь, но здесь они выживают, а там мрут...

– Неисповедимы пути господни, – едва сдержавшись от усмешки, ответил Алексей и перекрестился.

– Истинно, – так же перекрестившись ответил монах и стрельнул глазами в сторону своего помощника.

Алексей, заметив это странный взгляд, решил продолжить мысль:

– Не иначе наказывает господь людей за грех гордыни...

– Гордыни? При чем тут она?

– Конечно гордыни, отче. Разве не гордыня это, заставляя вас, отец Михаил, день за днем таскаться к ним в дома и творить индивидуальные с ними молитвы? Кто они такие есть перед лицом господя нашего? Такие же рабы его, как и все прочие, только вознесшиеся над иным людом, причем не самыми праведными делами: торговля, ростовщичество, прямое ограбление, да убийства конкурентов... и оттого возомнив о себе невесть что. Да, они делают богатые дары нашей матери церкви, но разве не прямое это оскорбление ему? Ведь они фактически за богатства земные пытаются купить его милость! Вот и наказывает их господь за это. Ибо не малой толикой богатства делиться надо, но перерождаться духовно! И первый шаг к перерождению этому – смирить гордыню. И проявится это смирение в приходе в дом ваш и вместе с прочим людом молились и лечились бы, так глядишь и простит их господь особенно если сами наконец поймут, что живут не праведно и встанут на путь исправления для дальнейшего духовного самосовершенствования.

– Хм-м... твоя правда, сын мой, – уже с откровенным изумлением посмотрел на Алексея монах. – Истинная правда!

Вторым «звоночком» стало посещение чумного дома другими священниками. Пришли так сказать обменяться опытом. Ну тот и рассказал им, про освящение воды в которой моются больные, пьют ее и дышат паром в бане.

«Валить надо, – сделал вывод Алексей. – Какое-то время я для себя выиграл, но... как тут свалишь?! Ничего ведь нет! Ни транспорта, ни денег! Жратвы с собой много не унести, а значит придется «засветиться» с ее приобретением. Это если мне вообще что-то продадут, а не погонят прочь дубинами. Чума ведь кругом! И опять-таки, на что приобретать?!»

В общем получалось по присказке: куда ни кинь, всюду клин. Требовалось разжиться платежными средствами, но вся беда в том, что он даже не представлял, где надыбать монет.

Украсть? А у кого?

Значит только заработать. Но опять же, как?

«Значит придется идти на риск и не имея поддержки за спиной, продать высоколиквидный товар, что еще предстоит сделать», – подумал он.

Таковым товаром он видел краску. Ага, одну из самых дорогих в это время – синюю, кою должны с руками оторвать те же ганзейцы, чье представительство имеется в Великом Новгороде и несмотря на чуму, продолжает работать.

Несложное химическое преобразование из недорогих компонентов и вуаля, в руках целое богатство... за которое и убить могут те же ганзейцы, чтобы выведать секрет производства или место добычи. Но риск того стоил, за краску только «могут» убить, а вот за плесень, если... точнее – когда все вскроется, точно прибуьют.

Даже возникла мысль перестать давать лекарство больным, но... не мог. Ведь на его руках тогда окажутся сотни если не тысячи жизней. Да, в РИ они и так все померли от чумы, но это ничего не меняло для него в моральном плане.

Осталось разжиться необходимыми компонентами, на что тоже нужны какие-то средства, но это если покупать. Так что для начала нужно пошариться по брошенным домам, в первую очередь заглянуть в «свой» дом. Все ценное конечно из них давно уже вынесли, но могло что-то и остаться. Требовалось купоросное масло, оно же сереная кислота, поташ, стружка от рогов и железные опилки. Только два пункта не должны были доставить больших проблем, ну может еще поташ найдет, а вот купоросное масло, как он считал, придется скорее всего добывать через отца Михаила.

«Ничего, залегендирую надобность как-нибудь, – подумал он. – Да вот хотя бы гнойники прижигать!»

14

– Хотя, я ведь могу дом продать! – осенило Алексея. – Знать бы только где он? И еще – купит ли кто, это при условии, что на него не наложили лапу какие-нибудь право имеющие наследники.

Ходить по городу с просьбой: «Люди добрые, покажите, где мой дом?» не самая лучшая идея, потому Алексей решил действовать через Матрену.

– В общем тут такое дело Матрена, что я память потерял и теперь не знаю где мой дом...

Ну и рассказал под «охи» и «ахи» свою историю, в смысле Елисея, как он на поганом капище дрова рубил, ну и потерял сознание с последующей потерей памяти.

– Но ты не бойся, отец Михаил в курсе моей ситуации, да и проверяли меня в монастыре на предмет бесовских козней.

– Я и не боюсь! – воскликнула она.

Алексей нахмурился. Снова в голове промелькнула мысль о каком-то неправильном поведении напарницы.

«Да, она ни разу не перекрестилась, когда слушала историю... – понял он. – Другой бы крестился беспрестанно слушая такие страсти... И голос какой-то... торжественно-довольный, глаза вон как лихорадочно блестят. Может приболела снова?»

Он и раньше замечал странные взгляды, что бросала на него Матрена, но не мог из однозначно идентифицировать, по крайней мере на заинтересованные взгляды, что бросают девушки на парней они не походили, да и сложно ему было представить, чтобы Матрена положила на него глаз, ведь до этого отношение с ее стороны напоминали скорее материнское.

«Хотя одно другому не всегда мешает», – усомнился он, вспомнив парочку извращенцев, то бишь Пугачеву с Галкиным.

И снова Алексей не стал копать дальше в этом направлении, других забот хватает. Ну и просто, не стоит «выкапывать» то, с чем потом не знаешь, что делать...

– В общем, я хочу попросить тебя тихонечко узнать, где мой дом. Потом сходим с тобой туда, посмотрим, что и как...

– Конечно Елисей, я все сделаю!

Матрена не подвела.

«Ей бы в разведке служить», – только покачал головой Алексей.

Информация ею была получена в тот же день и сходить в дом Елисея решили на следующий вечер, благо возникла пауза в поступлении новых больных, а кроме того в чумном доме помимо них появился дополнительный персонал из числа самоотверженных родичей больных, а так же выздоравливающих. В общем имелось на кого сбросить рутину.

Что до дома, то он представлял собой удручающе зрелище, как и всякий брошенный и разграбленный до основания дом. Выломали даже петли, так что заходи кто хочешь и делай что хочешь.

В сам дом Алексей даже заходить не стал. Достаточно было заглянуть в дверной проем, чтобы понять, что дело дрянь, ведь даже половые доски из половинок бревен скоммуниздили, не то, что двери со ставнями, про окна и говорить нечего. А те же окна, если судить по мелкому крошеву слюды, были богатыми.

Алексей сразу направился в кузню. Там он тоже не рассчитывал обнаружить что-то из инструментов, так и оказалось – уперли все начисто, но вот горка каменной пыли, там, где раньше стоял точильный круг, хоть и была разворошена (видимо и в ней не побрезговали что-то поискать) в целом осталась на месте.

Зачем она ему нужна эта бесполезная куча? Так железная пыль, что копилась там не меньше года при шлифовке и заточке изделий. Осталось только придумать, как ее оттуда изъять.

«Надо что-то магнитное, – подумал он. – Хотя... все бесполезно, все ржа сожрала».

Алексей с досадой сплюнул.

– Ладно... Идем отсюда. Попробуем продать эту халупу хотя бы на дрова...

Для жизни дом по мнению Алексея уже не годился. Из-за сырости в воздухе витал тяжелый запах плесени.

– Но продавать попробуем через отца Михаила и вообще через монахов.

Оно и понятно. Кто с ним дело иметь станет?

Вот только с продажей вышел гигантский облом.

– Ты запомнил Елисей... с тем случаем, только дом свой ты как вклад монастырю отдал, когда трудником решил стать, – сказал монах.

«Ну что же, не жили богато и не хрен начинать», – подумалось ему, хотя кто бы только знал, каких усилий ему стоило удержать лицо от гримасы злости и разочарования, а также не начать грязно ругаться.

– И правда... запомнил... отец Михаил.

Оставался вопрос, действительно ли запомнил или церковники решили наложить свою потную ладошку на имущество обеспамятевшего трудника, все равно ведь ничего не помнит, так что ему любую лапшу на уши можно повесить. Хотя действительно мог дополнительно заплатить за себя.

Впрочем, думать об этом он не стал, с Церковью в это время спорить бессмысленно и опасно для жизни. К тому же в их чумной дом в этот момент ворвался какой-то здоровяк с криком:

– Спасите! Кровиночку мою спасите!

Следом за крикуном шел еще более здоровенный бугай под два метра ростом не обезображенный отпечатком интеллекта на лице, и нес на руках тело девушки.

– Озолочу! Только спасите! – продолжал надрываться здоровяк.

«А вот и третий звоночек», – мелькнула мысль в голове Алексея.

Крикун явно не из простых, как бы не боярин, но может и просто богатый купец, а оных в данном районе, что курировал отец Михаил не водилось, по крайней мере на данный момент. В Новгороде из бояр и купцов вообще выжили только представители промосковской партии, а они так уж получилось жили кучкой в одном квартале и его конечно прибрал себе кто-то из более «достойных» монахов не иначе как в расчете на богатые подношения.

Вот только с исцелением у более «достойного» как-то не заладилось, разводили руками, дескать все по воле Господа. Слухи же про отца Михаила уже пошли гулять по городу, и вот первый результат.

«И вот еще что интересно, мне хоть копейка перепадет от этого «озолочу», – снова подумалось Алексею. – Хотя чего это я? Конечно же нет!»

15

Крикуном оказался купец Лукьян Леонтьевич, (как уточнила Матрена, происходил сей купец из боярского рода Лукьяновых), а девушка соответственно его дочь Анна. Как водится тянули до последнего и лишь после того, как от чумы несмотря на все усилия монахов померла жена самого купца и стало ясно, что следом вскоре последует и дочь, вот он в последней отчаянной надежде и рванул в чумной дом отца Михаила.

Этот обстоятельство словно прорвало какую-то плотину и вслед за отчаявшимся купцом, в чумной дом отца Михаила повалили прочие достаточно обеспеченные и знатные жители Новгорода, те же купцы, дворяне и прочие помещики с земцами, не говоря уже о простых людях, что оставляли чумные дома других монахов и из последних сил ползли к святому. Да, очень быстро отец Михаил пошел по статье «святой».

Пришлось расширяться и занять под стационар два соседних дома, благо они тоже пустовали.

И все бы хорошо, но...

Случилось неизбежное.

В очередной раз читая молитву вместе с больными отец Михаил рухнул как подкошенный. Чума. Не он первый и не он последний, но есть маленькое «но». Не мог по общему мнению почти святой исцеляющий людей от чумы сам заболеть чумой. А если и мог, то не иначе как это чьи-то зловерные козни, дабы не исцелял он страждущих.

Алексей сразу понял, что церковникам потребуется стрелочник на которого можно свалить все беды и утолить людскую жажду крови. Понял это не только он.

– Бежим Елисеюшка! – потянула его прочь Матрена.

И они побежали. Ну как побежали, выскользнули из подворья, пока все с причитаниями сгрудились вокруг монаха и быстрым шагом направились по улице. Одно радовало, на улицах по-прежнему было малоллюдно так что свидетелей того, куда они направились, почти не имелось.

– Куда ты меня ведешь? – спросил Елисей.

– Нужно покинуть город...

– Плохая идея.

– Почему?

– Именно за городом, нас и станут искать в первую очередь, а убежать далеко мы не сможем.

– Что же делать?

– Где легче всего спрятать лист?

– Лист?

– Да.

– Не знаю...

– В лесу. А человека – в городе.

– Поняла! – обрадованно воскликнула Матрена и свернув в очередной проулок, потянула Елисея за собой дальше.

Вскоре они оказались на улице, где так же стояло много пустующих домов. Во двор одного из них они и юркнули, убедившись, что никто их не видит. В дом соваться не стали, а прошли в обширный сарай. Тут было довольно чисто, и Алексей долго не мог понять его предназначение, но точно не скот или птицу какую держали, пока не наступил на битые керамические черепки. Тут до него дошло, что это сушильня, а подворье принадлежало семье горшечника. Вот и куча глины в сторонке коя никого не заинтересовала.

Алексей, поковыряв в куче сначала ногой, а потом поработав руками, сформировал в ней своеобразное кресло в которое и уселся. Места хватило и для Матрены.

Вскоре захотелось пить, а еще немного погода – есть.

«Проблема...» – вздохнул Алексей.

Довольно быстро он начал сомневаться в правильности своего решения остаться в городе. С добычей воды и пищи за стенами все-таки должно было быть в разы проще. Банально рыбы наловил с помощью той же морды, да и с водой проблем нет. Но он не верил, что они смогли бы убежать от погони и спрятаться так, чтобы не нашли.

«Впрочем с едой что-нибудь придумаем... тех же червей накопаю, сытная и полезная пища, если верить некоторым знатокам... – стал он искать варианты выхода из сложившегося положения. – Остается вода. Но пошаримся ночью по двору, авось колодец обнаружится...»

Личные колодцы не редкость, хотя чаще они были в совместном пользовании сразу нескольких дворов, трех-четырех, в точке общей границы. Но еще чаще приходилось таскать воду издали из общественных городских колодцев.

«Еще посуда, – вспомнил Алексей. – Но думаю битых и бракованных изделий должно быть в достатке около обжиговой ямы, что за сараем. Что-нибудь да стодится...»

Так они просидели в полном молчании, чутко прислушиваясь к внешнему миру до глубоких сумерек.

– Прочти молитву... – неожиданно попросила Матрена.

– Какую?

– Не знаю...

– Во имя Отца и Сына, и Свя...

– Нет, не христианскую...

– А какую? – аж поперхнулся от неожиданности Алексей.

– Передо мной не надо больше скрываться Елисей, я знаю, что ты приверженец старых богов и они тебя отметили на капище... и я тако ж отвергла распятого, когда поняла, что попы заражали нас через поцелуи икон. Прочти молитву старым богам...

– Кхе!

«Наверное в бреду спалился», – догадался он.

Удивляться же, что Матрена мало того, что не сдала его попам, так еще и сама сменила сторону особо не стал, как и не стал ее ни в чем переубеждать, отложив вопрос с религией на потом, не до того. А сейчас решил просто исполнить ее просьбу.

– Что ж, слушай... Велес, велемудрый, батюшка наш. Услышь славеса наши, обрати свой взор на дела наши, виждь нас, детей своих, мы пред твоим оком предстоим. Раденье тебе кладём, с чистотой сердец наших. На всяк день, аще и на всяк час, встань с духом нашим духом своим. Прими во ум твой деянья наши, и будь в них порукою. Ты волшбит и чародейство ведущий, за скотами и зверями радеющий, трясовиц прогоняющий, боли и хворобы изгоняющий, живота людине дающий, прими от нас – детей своих хваление сиё. Мы чтящие тебя и любящие, и любы от сердце дарящие, идеже и любиши ты тоуже любовью нас – детей своих. Прими в руцы свои дела наши! Соедини в единое, чтоб со душой спокойною и безметежною мы робили на благо наших сродников, детей наших и нас самих И проведи их к исполнению. Дай познать сладость жизни от тебя даденной – богатой. И отгони своим бичом страхи и козни, даруй ми силу от толики силы твоей. Отец мой. Велес велиокой, податель, в согласии со всеми сродниками, в мире духовном в семье пребывающий. Даруй и ми спокойствия и благоденствия, до упокоения моего под твоим оком, под твоей дланью...

Когда над головами раздались хлопанья голубиных крыльев, Алексей аж вздрогнул. Голуби стали влетать в вентиляционное отверстие и рассаживаться на подпотолочные жерди.

– Услышал тебя Велес... пищу нам послал, – шепотом, но с явным фанатизмом в голосе произнесла Матрена.

Сарай был не слишком высоким и достать голубей не составило большого труда. Достаточно оказалось посадить Елисею себе на плечи напарницу, а уж она осторожно собрала страдающих куриной слепотой птичек в рубаху парня как в мешок.

Приготовить тоже ни разу не проблема. По городу стелился густой дым, так что развели костерок, обмазали наскоро ощипанных и выпотрошенных птичек глиной и запекли. К счастью нож и огниво у Матрены при себе имелись, ее личные. Алексей же все еще не сподобился обзавестись сими нужными девайсами.

Что до воды и посуды, то в куче битой керамики действительно нашлись подходящие дефектные изделия, а за баней обнаружился колодец. Воду только для гарантии пришлось вскипятить, а то давно стоит, могли и попортиться.

16

Алексей проснулся от легкого толчка Матрены в плечо и тут же почувствовал ее ладонь на своих губах.

– Что...

– Тише... – зашептала Матрена ему прямо в ухо. – Во дворе чужие...

Алексей понятливо кивнул. Сам он сколько ни вслушивался, ничего не услышал, но оно и понятно, слух просел, а вот у Матрены с ним все осталось хорошо.

Что могли делать неизвестные в начисто разграбленном дворе? Либо тоже прятаться, либо искать тех, кто прячется. Вопрос только для чего?

Как назло, ничего из оружия даже близко нет если не считать ножичка Матрены, и ничего из того, что можно использовать в качестве оного, ни дубины, даже камня и того нет. Тогда Алексей взял один из небольших горшочков в котором хранилась вода и сделав глоток, а то во рту как-то враз пересохло, стал засыпать туда глину.

– Надо разойтись в стороны... – тоже прошептал он в ухо женщины.

– Верно.

И стоило им занять позиции по сторонам от дверей сарая, как створки резко открылись проем полетела сеть, коя непременно бы спутала жертв сделав их легкой добычей для людоловов. Но все пошло несколько не по плану неизвестных.

Сеть накрыла кучу глины, а в следующий момент Матрена бросила горсть пепла с глиняной пылью в глаза ворвавшегося в сарай с дубинкой в руках мужика. Тот получив ослепляющий заряд споткнулся и упал, начав грязно и визгливо ругаться.

Матрена «засветившись» для следующего бандита, стала его целью и тут уже не сплехом вал Алексей, со всего маху разбив полулитровый кувшинчик о его голову. Войлочная шапка несколько смягчила удар, но несколько дезориентировала нападавшего, чем и воспользовалась Матрена всадив свой ножичек тому в горло.

– Хр-р...

Теперь уже сам Алексей «засветился» для оставшихся снаружи сарая. Путь к спасению перегораживало еще три человека. Один из них придвигался как-то скособочено и хромал, второй являлся не то ребенком, не то карликом, а третий тот самый сетеметатель, самый высокий и крепкий на вид, просто стоял столбом.

«На чем же мы прокололись?!» – мелькнула мысль в голове Алексея.

Алексей же бросился к ослепленному, что встав на колени ожесточенно тер глаза и со всего размаху врезал ногой тому по роже. Удар получился хорошим, хруст челюсти отчетливо послышался даже ему. Раздался вой. После чего подхватил трофейную дубинку.

Алексея бил адреналиновый приход, но в бой он бросаться не спешил. Вообще как-то драться всерьез ему раньше не приходилось, детские потасовки не в счет, так что он откровенно робел. Ведь тут придется не просто драться, а биться не на жизнь, а насмерть, ибо ничего хорошего им с этими людьми не светит.

Но и напавшие атаковать не спешили. Похоже, что они тоже не горели желанием биться. Сразу стало ясно, что раньше они впросак не попадали, план с сетью всегда срабатывал и дальше они просто пеленали беспомощных. Но и просто уйти, признав поражение они почему-то тоже не могли.

Алексей начал догадываться кто перед ними.

Все молчали и это показалось ему неправильным, потому он заорал в надежде, что это спугнет неизвестных:

– Пожар! Горим!!!

– Колоб! На Гору! – приказал скособоченный.

– Ага!

Карлик ловко взобрался на сетеметателя и схватился ему за уши.

– Вперед!

И вот такой «кавалерист» бросился в атаку. Карлик, крутя ушами здоровяка словно рычагами какого-то механизма, ага, шагающего танка, управлял им как конем направив его на Алексея. Все это было бы не сильно опасно, если бы не крадущийся сзади хромоногий, что на первый взгляд выглядел безоружным, но это-то как раз и заставляло напрягаться. Не ходят на такие дела безоружными.

Эта странная пародия на коня и всадника приближалась все ближе и Алексей готовился отскочив в сторону, нанести дубинкой удар по ноге громилы. Отступала Матрена держа окровавленный нож.

Но все кончилось плохо. Обороняющиеся забыли по недобитка в тылу со сломанной челюстью. По-хорошему его следовало добить размозжив башку дубинкой, но Алексей не смог, за что и поплатился. Этот недобиток прыгнул ему в ноги и повалил на землю.

Одновременно с этим скособоченный резко дернул рукой в сторону Матрены Она смогла увернуться о какого-то предмета, но и только. Карлик сидевший на здоровяке с проворностью обезьяны спрыгнул со своего «скакуна» точно на женщину и тоже повалил ее на землю.

Алексей достаточно быстро вывернулся из захвата мужика со сломанной челюстью, но скособоченный оказался рядом и пнул Алексея в живот. На этом собственно все и закончилось, после такого удара драться уже просто физически невозможно. Далее на парня посыпался град хаотичных ударов ногами. Один из пинков пришелся в голову и парень отключился.

Очнулся он от тряски и почувствовал себя крепко связанным, ну и с кляпом во рту. Его тащил на левом плече тот самый сетеметатель по прозвищу Гора. На правом плече горы безвольной куклой болтался труп.

Сзади шел скособоченный с мужиком со сломанной челюстью и тащили связанную Матрену. Карлика с позывным Колоб видно не было, но он похоже разведывал путь на предмет нежелательных свидетелей.

Шли в общем-то недолго и оказались во дворе одного из особняков. Что-то рассмотреть Алексею из неудобного положения не удалось, в конечном итоге они оказались в каком-то подсобном помещении вроде того же сарая, но только тут имелся спуск в подвал. Вот в подвал их и сбросили.

– Принимай пополнение! – глумливо сказал скособоченный в темный зев и сбросили Алексея в эту самую темную дыру не сильно заботясь о его здоровье. – Тебе снова повезло!

К счастью Алексей скатился по ступенькам ничего себе не повредив ибо умудрился приземлиться на ноги. Ожидал что следом бросят Матрену, но нет. Крышка сверху захлопнулась и ее чем-то подперли.

В подвале было сыро и холодно и конечно же темно.

17

- Ты кто? – послышался тонкий голос.
- М-м-м... – промычал в ответ Алексей из-за все еще присутствующего во рту кляпа.
- Сейчас...

Кто-то осторожно подошел, споткнулся о тело парня и обшарил его руками в поиске головы. Кляп оказался вынут.

- Спасибо.
- Кто ты? – повторил вопрос неизвестный пленник.
- Такой же, как и ты неудачник. Кто это вообще такие?
- Людоеды.
- Не людоловы?
- Нет... они не ловят людей для продажи поганым... Это банда попрошаек Кривого.
- Хреновы наши дела...

Попрошайки при церквях и торжищах – это настоящая мафия занимающаяся сим бизнесом профессионально. Вроде даже как специально выкупали детей, а то и просто воровали, намеренно их калечили, чтобы даже у самого толстокожего сердце дрогнуло, глядя на травмы.

Надо думать в сии тяжелые времена у профессиональных нищих недостатка в монетах нет, богатые щедро жертвуют церквям в попытке откупиться от Господа, задоблив Его золотом и серебром дабы не гневался на рабов своих грешных и отвадил чуму, ну и попрошайкам на паперти хорошо перепадает.

Вот только монеты жрать не станешь, а купить на них в условиях жесткого дефицита продовольствия и откровенного голода практически нечего, вот и пошли на каннибализм. Надо думать, что сначала сожрали выходящих в тираж калек, кого-то чума прибрала, они ведь в самой зоне риска, завшивевшие... И вот костяк банды перешел от так сказать поедания падали к охоте.

- И все же, кто ты?
- Развяжи меня.
- Не развяжу, пока не скажешь...
- Зовут Елисеем, сын кузнеца...

В общем, не видя смысла что-то скрывать, Алексей поведал неизвестному свою историю без ненужных подробностей с капищем и плесенью, при этом стараясь не думать об участии Матрены. Понятно, что ей сейчас приходится не сладко.

Видимо история слушателя удовлетворила, потому как начались попытки развязать узлы веревки, благо те оказались связаны не очень крепко.

- Ну а теперь твоя очередь.
- Федор.
- И?
- И все.
- Лет то тебе хот сколько, Федор?
- Тринадцать.

Узлы наконец поддались Федору и Алексей наконец смог размять затекшие руки.

- Где мы собственно?
- Ледник...
- Ну да... Не знаешь, много их там людоедов этих?
- Нет... Да и какая разница?
- Ну, как минимум на одного меньше стало, и из расчета численности можно предположить, когда снова за запасами мяса сунутся в ледник.

– Какая разница когда? Днем раньше, днем позже... – уныло ответил тот.

– Может что-то удастся придумать и сделать. Вот и пытаюсь вычислить, сколько у меня на это времени пока они своего дохлого товарища жрать будут...

Федор промолчал.

– Ладно... одно не могу понять, как они нас нашли. Тихо ведь сидели...

– А огонь разводили?

– Ну да... так ведь что с того? Весь Новгород в дыму...

– А готовили что-нибудь на огне?

– Да, голубей наловили и запекли.

– Вот по запаху еды и нашли.

– Это как?

– У них там малец есть... он ночью бегаёт по городу и вынюхивает... в прямом смысле этого слова. Вот и уловил запах мяса там, где его быть не должно. Нас тоже так выследили...

– Понятно.

Алексея чуть подташнивало и болела голова, он сам себе поставил диагноз: легкое сотрясение, тут медиком быть не нужно, но сидеть в покое не стал, а начал обследовать ледник.

– Давно тут?

– Не знаю... какое сегодня число?

– Пятнадцатое июня.

– Больше месяца... – после паузы глухо ответил пленник-старожил.

Что ж, понять Федора можно, ведь все это время он должен был чем-то питаться. А чем? Понятно, что тем, чем его потчевали людоеды – человечиной. По психике это должно бить сильно. Но ничего по этому поводу говорить не стал и уж тем более не собирался осуждать, даже в мыслях.

Пацан всхлипнул.

– Ничего, сейчас что-нибудь придумаем... Мы попаданцы народ такой... из любой жопы должны найти выход...

– Что тут можно придумать?

– Пока не знаю.

Что до обследования ледника, то его можно охарактеризовать как сруб три на четыре метра и высотой два. Лед сохранился лишь в одном углу и судя по всему это Федор его туда затолкал. Хорошо хоть имелась параша в виде деревянного ведра, кое стояло под лестницей.

Алексей попытался проверить бревна на прочность, но пальцем особо не поколупаешь, а больше и нечем. Но по ощущениям бревна не показались ему особо прочными, да и по размерам едва ли с ногу.

Неизвестно сколько прошло времени проведенного в молчании, говорить особо не о чем, да и сокамерник оказался не сильно разговорчивым, что тоже объяснимо – смирился со своей судьбой, депрессия и апатия, но в какой-то момент крышка открылась и вниз что-то упало.

– Жрите!

Крышка под хохот снова закрылась.

Федор продолжал сидеть в своем углу. Будь он один, то наверняка бы уже начал есть, но это один, а при свидетелях сделать это стало снова так же тяжело, как и в первый раз.

Надо сказать, что запах от мяса шел весьма аппетитный, быстро заполнив весь объем ледника перебив запах плесни и нечистот из параша. Прожарили его на совесть. Аж в животе заурчало и плевать организму, что это человечина. Прислушавшись к себе, Алексей вдруг понял, что ему по большому счету плевать человечина это или к примеру баранина. Даже удивился. Как водится, в своей толстокожести обвинил Голливуд с его Ганнибалом Лектором. Подготовили в общем на все случаи жизни.

Впрочем, сейчас его этот кусок мяса заинтересовал не столько с гастрономической точки зрения, сколько узнать, что конкретно им кинули, просто кусок мяса или же...

Подобравшись к лестнице на ощупь, Алексей нашарил продпаек.

«Надеюсь, это все же не рука или нога Матрены», – подумал он, но решил, что людоедам глупо забивать на ее мясо имея труп. Испортится ведь.

– О да! – воскликнул он, нащупав то, что так хотел нащупать. – Боги определенно благоволят мне! Хотя как посмотреть, учитывая, где и в каком качестве я оказался...

– Т-ты чего? – пискнул Федор, видимо немало удивившись радости новичка.

– Того. Тебе мясо как обычно скидывали, пластом или с костями?

Послышался сдавленный звук, как при сильном спазме тошноты.

– Ладно. Не важно...

«Хотя раз костей нигде нет, то значит в чистом виде, хотя и странно, – подумал он. – Логичнее было бы со стороны пленителей кидать обглоданные кости. Но видимо чего-то опасались, может того, что пленник вскроет себе обломками костей вены... хотя если уж на то пошло, то следовало бы выбить и все зубы, чтобы не откусил себе язык или не разгрыз запястья...»

Так и не поняв логику людоедов, Алексей стал отдирать куски мяса от кости и еще больше поразился обнаружив, что она не аккуратно отпиленная, а сломанная, то есть имеется какое-никакое острие.

– Эти уроды часто спускаются в подвал?

– Только если забрать кого-то... кто не хочет сам выходить.

– Отлично. Будем надеяться, что им хватит того жмурика на пару дней.

С этими словами Алексей приступил к работе, начав колупать бревно, что показалось ему особенно рыхлым и дело пошло. Если внешне бревнышко еще претворялось относительно прочным, то вот внутри оказалась одна труха, и чем дальше, тем трухлее.

– Что ты делаешь?

– Бревно колупаю... Будем прокапывать себе ход наружу как кроты!

Парень работал как заведенный пока не начали дрожать от усталости руки, но он смог расковырять не одно, а два бревна. В принципе человек уже мог бы пролезть в эту щель, но для дальнейшей копки, удобства и эффективности требовалось раскурочить как минимум еще одно бревнышко.

– Побег из Шоушенка, мля... постера с полуголой телкой только не хватает, чтобы дыру прикрыть на всякий случай.

– Что?

– Ничего... устал просто...

– Давай я!

– На...

Они нашли друг друга в темноте, только Федор дернулся, когда Алексей вкладывал кость в руку напарника.

– Да не дергайся... Воспринимай как инструмент и не более того. И про то, что человечину жрал, тоже забей... в смысле наплюй. Вот, колупай вот это бревно...

Федор остервенело накинулся на бревно, как голодный на еду... От этого сравнения у Алексея все же встал в горле ком, тем более жрать действительно хотелось сильно, особенно после активной физической работы, но к мясу, что лежало на ступеньках лестницы он все-таки не притронулся.

– А как с водой?

– Вот... лед...

– Понятно.

Федор быстро выдохся, явно ослаб за этот месяц сидения в леднике, и тоже присел передохнуть.

18

- Если спасемся, в монастырь пойду, – вдруг сказал Федор.
- В женский?
- П-почему женский? Мужской...
- Ну, я бы понял если в женский... А в мужской для чего?
- Грехи замаливать...
- Когда нагрешить-то успел? Или девок портил против их согласия? – хохотнул Алексей, в принципе понимая, о чем говорит его сосед.
- Нет... я про... здесь уже...
- Про человечину, что ел?
- Д-да.
- Ну, строго говоря, лично я не помню, чтобы поедание человечины трактовалось в Библии как грех.
- А ты читал Библию?! – изумился Федор.
- «Ах да... тут же не все священники эту самую Библию читали», – вспомнил Алексей.
- Ну да... читал. Грамотный и возможность была... так что с точки зрения религии ты не совершил ничего греховного.
- Но как же...
- Понятно, что тебе это было мягко говоря неприятно, ты претерпел много моральных мук, но в этом случае я считаю, что это не твой грех, а Бога, ведь все в воле его, вот он и захотел, чтобы ты ел человечину и страдал, а раз это его воля, то в чем виновен ты?
- Н-но зачем?
- А кто его знает? Как говорят попы, неисповедимы пути Его. Может скучно ему? Заняться нечем, сидит на облаках вниз поплевывает в нас градом, то перхотью обсыплет снежной, то пукнув громом поссыт на нас дождями. Ну и думает, а дайка я сделаю так, чтобы Федор человеченки пожрал, посмотрю, как он будет мучиться...
- Ты смеешься надо мной?!
- Ничуть...
- «Вправлением мозгов занимаюсь, научно выражаясь – психотерапевтическими мероприятиями», – мысленно хохотнул Алексей.
- Нет, то что ты сказал это глупость и ересь!
- Как знаешь. И даже если он этого не хотел, то лично я все равно считаю, что это Его грех, а не твой, раз Он допустил, чтобы с тобой такое произошло. Потому как я не представляю, как ты должен был согрешить, чтобы тебе Он отмерил такое наказание. Может особо жестоко убил кого?
- Нет.
- Может мучил?
- Нет.
- Желал извращений каких? Мальчики нравятся?
- Э-э... Нет!
- Животные?
- В каком смысле?
- В этом самом...
- Нет! Фу! Как такое можно?!
- Ну, греки, например коз очень уважают... Сначала поношают их, а потом зарежут и сожрут.
- Тьфу! Тьфу!

- Может кошку пытал, прижигал головешками раскаленными?
- Нет, что ты такое говоришь?! Как можно?! Мне очень нравятся кошки!

– Да всякие твари бывают... Ну раз нет, то тогда не знаю. Значит твои страдания – косяк Господа и тебе точно не в чем каяться, да еще уйдя в монастырь, чтобы стать при этом бесплатной рабочей силой у попов... некоторым из них, кстати сказать, очень даже нравятся мальчишки, один на меня заглядывался, это я тебе как монастырский трудник говорю, личный опыт так сказать, так что ты поосторожнее с желаниями – попадешь из огня да в полымя. По мне так лучше человечину жрать.

Федор молчал, видимо переосмысливая ситуацию после слов Алексея, что от него и требовалось, а сам Алексей снова взялся за работу, доколупал бревно и принялся ковырять землю, то бишь глину.

Потом снова работал Федор.

Никто надолго прерываться в деле копания не собирался, тем более на сон. Какой тут сон, когда до свободы в буквальном смысле рукой подать?! Ледник ведь на самом деле не так уж и глубоко закопан, буквально метр над потолком, а всего надо прокопать ход в три метра с учетом уклона хода, не вертикально же вверх копали, из такой шахты быстро не выскочить.

– Ч-черт... – ругнулся Алексей, когда на него обвалился пласт земли и в ход ворвался дневной свет.

По глазам больно резануло.

«А каково Федору будет?» – подумал он, вспомнив историю одного солдата, что несколько лет обитал в подземелье в абсолютной темноте и когда его нашли, то даже тусклый свет свечи привел к тому, что его глаза ослепли словно от ярчайшей вспышки, как от ядерного взрыва.

Но как же манила свобода! Алексей едва удержался от того, чтобы вырваться наружу наплевав на всех, как Федора, так и даже Матрену. Оправдывался перед самим собой лишь тем, что обязательно приведет помощь... Но последнее не точно. Ведь его самого ищут, а значит...

Алексей отполз назад.

– Закрой глаза Федор, а лучше их чем-нибудь плотно замотай.

– Зачем?

– Сейчас день, светло и ты после более чем месяца полной темноты, просто ослепнешь.

– Почему?

– Не знаю, но я слышал о такой истории, что люди долго пребывавшие в темноте, выходя на свет слепли. Я даже не уверен, что просто веки тебя спасут от слепоты. Так что замотай глаза. Привыкать к свету тебе придется постепенно потому как даже ночью при свете звезд тебе будет так же ярко как днем.

– Хорошо... но бежать нужно именно сейчас... днем. Время людоедов – ночь, днем они отсыплются как вурдалаки...

– Твоя правда... Замотал глаза?

– Да...

– Тогда поползли...

Добравшись до поверхности, Алексей уперся спиной в пласт земли спиной и выдавил его наружу.

– Твою мать...

– Демоны! А-а-а!!! – завопила какая-то бабища и метнулась в дом. – Демоны лезут по наши души!

Ну да, после копки земли Алексей выглядел не лучшим образом, да и появление надо думать получилось весьма эффектным.

– Быстрее Федор!

У людоедов оказалось дневное прикрытие, что вело жизнь добропорядочных горожан, что было логично, но пленники об этом как-то не подумали.

Кто-то кинулся Алексею на спину, пока он помогал напарнику выбраться из норы, сбив его с ног. Напавшим оказался какой-то пацан лет десяти, натуральный звереныш, что с рычанием буквально вцепился зубами своей жертве в шею.

– А-а! Сука!

Алексей крутанувшись и встав одновременно сбрасывая с себя этого вампиреныша врезал ему с ноги в живот отбивая все внутренности, того аж отбросило на полметра.

«Похоже это тот самый нюхачь, что нас спалил. В мое время из него мог бы получиться отличный сомелье или дегустатор», – мелькнула мысль.

– Быстрее!

Алексей ухватил Федора за шиворот и поволок его в сторону ворот. Ворота открылись на удивление легко, достаточно было сдвинуть засов. Алексей протолкнул вперед напарника, а сам уже выйти не смог. На шею упала петля, что тут же затянулась и Алексея рывком швырнуло назад.

– Беги!!! – захрипел он Федору.

Тот ломанулся по улице, споткнулся и упал, но снова встал и побежал не видя дороги и пронзительно вопя на всю округу:

– Люди добрые, спасите!!! Людоеды! Людоеды!!! Помогите!

За Федором метнулся карлик, но почти сразу же юркнул назад с возгласом:

– Бежим!

– Почему? Что там?! – спросил Кривой.

А именно он накинул на Алексея аркан.

– Похоронная процессия шла, да не простая, видимо какого-то из богатых или знатных хоронят, людей полно и все сюда бегут!

– Ах ты ж... Уходим!

Кривой со злости пнул полузадушенного Алексея в голову погрузив того в беспомощность.

19

Алексей и от первого сотрясения не оправился, а тут еще снова по голове получил, как бы не сильнее чем в первый раз, так что он находился в мягко говоря паршивом состоянии. При этом обращались с ним не сказать, что аккуратно. В дополнение ко всему, в чувство его привели несколькими ударами ногами по ребрам, а потом его стали грубо вязать.

– Вяжи людоеда!

Из-за дезориентации Алексей даже не мог толком сопротивляться и объяснить, что ошибка вышла, не людоед он, а жертва их.

– Да не он людоед! – послышался едва узнаваемый из-за сильной шепелявости голос Матрены. – Людоеды вон, сбежали... Кривой с Колобом да Гора. Баба там еще с мальцом и муж ее с челюстью сломанной...

Несколько человек по приказу неизвестного метнулось в указанном направлении.

– А ты кто?

– А я вместе с ним попала к людоедам этим...

Дом тоже обшарили и из него быстро выскочил один молодой парень и согнулся пополам, после чего его вырвало.

– Ты чего?

– Там... там... руки и ноги человеческие... зажаренные... и обглоданные...

– Вот же ж... Грех-то какой!

Бабица та кстате убежать далеко не смогла, разожралась на человечине, а вот все прочие несмотря на свои физические недостатки смогли утечь. Впрочем вряд ли теперь они далеко уйдут, известны ведь, разве что ныкаться станут по заброшенным домам. Бабица, кою волокли по земле верещала как резаная, пока ее не заткнули несколькими ударами под дых, а потом еще вставили кляп.

Алексей сквозь муть в глазах смог наконец рассмотреть Матрену и тут же отвел глаза. Досталось ей и впрямь сильно, видно, что избили крепко, лицо опухло и налилось синевой, губы разбиты, не иначе сильно сопротивлялась изнасилованию. Но что она могла сделать сразу с несколькими мужиками?

– А я его знаю! – взвизгнула какая-то женщина с истерическими нотками. – И ее знаю! Это их монахи ищут! Это они окаянные отца Михаила извели! Умучили святого отца, чтобы он более не мог своими животворящими молитвами спасти жизни христианские! Это из-за них мой сыночек от мора преставился! Все они проклятые виноваты!!! Бей их!

Толпа загудела.

Женщина набросилась на Алексея и даже успела пару раз неумело пнуть, но ее оттащили от связанного и беспомощного подозреваемого в злодеянии.

– Точно? – спросил басовито еще кто-то из приуσταющих.

– Точно! Видела я их подле отца Михаила... когда своего Тимофея к нему несли. Помощниками его звались! Не иначе втерлись к святому в доверие обманом и извели его волшебной злой!

– А я слышала, что он когда на капище велесовом был, опал словно мертвый, несколько дней лежал! А потом восстал! Не иначе Нечистый его своим слугой сделал дабы он христианские души губил! – вторил истеричке еще один женский голос.

– Так его же после этого монахи наверняка проверяли...

– И что с того, что проверяли?!

– Так вскрылось бы, что одержим он бесами...

– А кто сказал, что он был одержим бесами?! Слугой он стал Сатаны!

– Так вскрылось бы...

– Ой ли?! Сатану не зря Лукавым зовут! Смог одурачить святых отцов!

Толпа загудела еще сильнее.

– Дурачье! – воскликнула Матрена.

Было видно, что говорить ей физически больно, вот и кровь из разорванной губы вновь потекла.

– То не поп людей лечил от чумного мора, а Елисей!

– Что ты такое говоришь, прислужница Сатаны?! Отец Михаил святой человек и исцелял молитвой благостной, да святой водой!

– То и говорю, что вы дурачье! Разве заболел бы сам монах чумой, если бы творимая им святая вода действительно бы являлась чудодейственной?!

Это заставило людей невольно задуматься, а Матрена продолжала «жечь глаголом»:

– Это Елисей лекарство готовил...

– Глупости это все!

– Тогда почему с нашим побегом перестали люди выздоравливать?!

– А сбежали тогда почему?!

– Потому и сбежали, что выяснилось бы, что так называемая святая вода ничем не лучше обычной воды из колодца или реки. А попам это разве понравится, что не их якобы святость лечит, а Елисей?!

– А он тогда откуда эти знания получил, что смог лечить то, что монахи не могут исцелить!?

«Молчи!» – хотел сказать Алексей, чувствуя, что Матрену в запале спора, понесло куда-то не туда., опять же сказывалось пережитое нервное потрясение, так что женщина потеряла всякую осторожность.

Несмотря на то, что рот ему не заткнули кляпом, вырвалось только неразборчивое бормотание.

– То знания старые! Препными богами нам данные! Сам Велес отметил его на том капище!

– Нечестивцы! Язычники поганые! Души наши погубить возжелали чрез волшбу поганую!

– Это вы нечестивцы и дурни! Сами вспомните, не после ли того, как отказались мы от веры предков своих, нас стал терзать постоянный мор?! Это все греки к нам принесли, коих чума самих постоянно донимает за грехи их развратные, коими они и Русь испоганить пытаются! Ну а ты, вспомни клуша, после чего заболел твой сын?! Не после ли того, как сходила с ним в церковь с крестоцелованием в надежде как раз уберечься от мора?!

– Это к чему это ты ведешь?!

– К тому, что попы на самом деле не лечат нас, а заражают! Вспоминайте же! Вот у нас например в деревне мор начался именно после того как монахи принесли и заставили целовать якобы чудотворную икону. И все бы перемерли, если бы не Елисей и лекарства, что он изготовил!

Собравшиеся снова загудели как растревоженный пчелиный рой.

– Так зачем это им?..

– А кто их ведает?! Опять же, не хуже меня знаете, что церковники за царя стоят, ибо, по их мнению, всякая власть от бога даже если правитель совсем дурной или еще чего хуже! Разве может быть правитель от бога, если он зверства лютые над своими подданными творит?! Может извести нас окончательно хотят, чтобы пал Великий Новгород в полное ничтожество и более не представлял угрозы для Москвы, а то и вовсе исчез будто и не было его никогда вслед за Белоозером! Вспомните, как опричники царя новгородцев тиранили! Аки псы бешеные себя вели, на части людей рвали! Да только не смогли всех пожечь, да утопить, вот и хотят

видимо окончательно сделать так, чтобы обезлюдела земля новгородская да заселить ее верными Москве людьми!

И снова гул. Но тональность несколько изменилась. Многие тогда пострадали от того террора, что устроил Иван Четвертый.

Неизвестно до чего бы дошло дело, но тут во двор ворвались всадники. Видимо кто-то успел метнуться к церковникам и те отправили «группу быстрого реагирования».

В общем вскоре Алексей оказался запретным подземной камере одного из городских храмов. Наговорила Матрена на десять расстрельных статей, так что ничего хорошего Алексей для себя не ждал, так что просто без сил валялся на гнилой соломе мучимый тошнотой и острой головной болью.

20

Людоедствующую банду Кривого выловили довольно быстро, что и неудивительно если подумать, город все-таки не так уж и велик и спрятаться в нем довольно сложно, все у всех на виду особенно если специально станут за округой присматривать. Ну и власти, когда хотят, способны действовать достаточно эффективно. Ну а после того, как людоедов поймали, устроили над ними скорый и праведный суд, приговорили к смерти, да и казнили прямо при всем честном народе, особо не извращались, а просто поотрубали всем головы, разве что главаря подвергли колесованию.

Вот только народу в этот момент было совсем не до кровавого зрелища. Брошенные в запале Матреной слова стали распространяться среди людей словно заразный вирус, ну и как водится, мутируя от носителя к носителю, так что вскоре принял совсем уж убойный вид.

– ...То попы злокозненные нас заражают...

– ...Извести нас царь московский через попов своих решил...

– ...Вода та не святая, а наоборот поганая, сбрызнут ею и заразят...

– ...Сатане попы на самом деле служат и по ночам нечистому молят крест верх ногами перевернув!..

– ...Извести люд новгородский хотят...

– ...Как приняли христианство, отказавшись от веры дедов наших славных, так и захирели...

– ...Ведь как раньше сильны были! Сам Царьград дань князьям русским платил. Степняков в кулаке держали, пикнуть не могли. А теперь что? Захирела держава, терзают ее поганые, людей угоняют без счета, а мы и сделать ничего не можем, сами теперь дань платим...

Публичная казнь людоедов при стечении большого количества народа стала ошибкой властей не только из-за стремительного распространения опасных слухов, но и из-за случившегося по этой причине массового заражения от присутствовавших в толпе больных чумой.

Но это была не единственная ошибка властей, в данном случае церковных. Как только слухи разнесли информацию о том, кто в действительности занимался лечением людей в чумном доме отца Михаила, как к ним потянулись состоятельные и знатные люди.

– Совсем плоха моя дочурка, владыка... – сказал Лукьян Леонтьев.

– Молись сын мой, крепко молись...

– Молюсь, истово молюсь, только глух господь к молитвам моим...

– Не богохульствуй сын мой... Слышит господь все молитвы наши...

– Тогда почему не спасет дочь он мою...

– Грехи тяжелы...

– В чем же грехи ее?! Невинна она...

– То наказание тебе за твои грехи... А ты совсем не безгрешен.

– Так пусть бы меня и покарал мором!

– Ему виднее кого и как карать...

Немного помолчали, а потом купец из бывших бояр вновь пошел в атаку.

– Отдай Елисея... пусть вылечит кровиночку мою...

– Откары господней хочешь укрыться волшбой поганой?! Мало тебе грехов так еще усугубить свое положение хочешь?! Дитя твое невинно и через то в Рай попадет! А ты волшбой пытаешься исцелить ее обрекаешь ее на муки адские вековечные!

– Так при вас же... в церкви...

– Так ты еще и святую церковь хочешь осквернить?! Так ты не просто грешник, а еще и еретик!

– Не еретик я... я же просто... дочка...

В общем вырвался от церковников Лукьян Леонтьевич себя не помня, обвешанный епитимьями как пес блохами, ну и денежку с него церковники содрать не забыли, типа штраф. И такая злость его разобрала на фоне стремительного угасания жизни в любимой дочери.

– В Рай значит... Только что мне до вашего Рая... если я свой Рай потеряю?

Поживший жизнь бывший боярин видел дальнейшую свою жизнь лишь в своей единственной дочери, что из всех его детей осталась на белом свете, ради нее он жил и лишь она доставляла ему в этой жизни радость. Церковники этого не поняли, не захотели или не могли понять. И не только его. Подобная сцена с незначительными вариациями повторилась несколько раз: купцы, дворяне, бояре приходили с одной целью, получить чудодейственные лекарства Елисея для себя и своих родных, но все получали от ворот поворот.

Видя, что происходит в городе, а священники хорошо умели собирать слухи и еще лучше их распускать, через тех же юродивых, настоятель собора Святой Софии протоирей Димитрий встретился с настоятелем Свято-Юрьевского монастыря архимандритом Александром.

– Может все-таки как-то применим этот метод лечения, что Елисей использовал, раз уж самого его к лечению допускать не хочешь?

– Нельзя.

– Почему? А то ведь страсти кипят среди паствы нешуточные, того и гляди вспыхнет бунтом... Надо успокоить людей.

– Пусть... пусть лучше бунт, чем это...

Алексей-Елисей конечно же не стал заператься и честно ответил, как и чем лечил, но отказывался от того, что он язычник и тем более колдун.

– Что ты такое говоришь?!

– Я знаю, что говорю! Если вскрыется, что людей лечили плесенью...

– Ну и пусть. Плесень тоже, как и все прочее создал Господь, так почему бы не лечить ею...

– Не в этом дело, как ты не понимаешь? Дело не в плесени как таковой, хотя и это тоже весьма дурно пахнущий момент, завсегда плесень приводила к смерти через мучения Антонова огня... а в том, что быстро станет ясно, что мы пользуемся лекарством якобы дарованным старыми богами! Понимаешь?! Кару господню, ниспосланную Им на грешников лечат... лекарством что ниспослал Велес... суть демон. И каким лекарством?! Плесенью!!!

– Да, понимаю...

Плесень ассоциировалась в сознании людей с порчей, то есть с Нечистым. Ведь именно он насылает порчи и все плохое. В общем фигурально выражаясь лечение священниками кары господней плесенью это даже не «выстрел себе в ногу», а сразу в башку. Это все равно как обрести здоровье через смертельное проклятье. В общем так не бывает, а значит волшба.

– Так что лучше кровавый бунт... Просто попытайся оценить последствия этого для всего государства и Церкви.

– Поясни.

– Думаешь нагнетаю? – невесело усмехнулся архимандрит Александр. – Ведь слухи о том выплеснутся за пределы Великого Новгорода по всей Руси и просто невозможно представить к каким тяжелейшим последствиям все это может привести для Церкви с учетом того, что чума в очередной раз накрывает государство, а значит вновь будут неисчислимые жертвы. Ведь вслед за Псковом и Великим Новгородом она конечно же поразит и другие города, так было раньше и так будет позже. Или ты сомневаешься?

– Нет...

– Последствия на фоне тех ужасов от массовых смертей, когда разум людей корежит диким образом, ведь они в попытке спастись хватаются за любую соломинку... чего только не творят в попытке исцелиться... и тут узнают, что есть действенное лекарство... данное Велесом.

Протоирей Димитрий еще сильнее нахмурился, понимая куда клонит настоятель Свято-Юрьевского монастыря.

– Да... это может стать катастрофой... – кивнул он. – Вплоть до того, что люди отвернутся от христианской веры и вновь обратятся в язычество, чтобы Велес им точно помог, как своим последователям. Станут жечь церкви, убивать священников и восстанавливать капища прежним богам дабы вновь все стало как в благоденственную старину.

– Вот и я о том же! А в старину как известно всегда было лучше, небо голубее, трава зеленее, ну и так далее... Свобода опять же...

Именно сейчас идет активный процесс закрепощения крестьян, превращая их, по сути, в рабов, ими еще не торговали, но всячески закабалили, опутывая долгами.

– Опять же славную историю предков своих вспомнят, щит на воротах Царьграда и как всего этого лишились с приходом христианства, в какое ничтожество впали, что даже от татар диких и нищих отбиться не можем.

Фактически неизбежный бунт случился. Люди и так находятся во взвинченном состоянии, напоминая бочку пороха и достаточно было поднести малый огонек, чтобы она взорвалась и огоньком этим стала информация, что чуму лечить можно, но священники делать этот отказываются называя лечение не богоугодной волшбой, что гарантирует душам грешников адские муки.

Но что людям до тех мук адовых, если они при жизни словно в Ад попали? Вдохновителем и лидером бунта стал купец Лукьян Леонтьевич и поднятая ими многотысячная толпа новгородцев взяла штурмом Свято-Юрьевский монастырь...

21

Из церковных подземелий Алексей выбраться живым уже не чаял, слишком уж серьезные обвинения ему предъявляли, в первую очередь тайное язычество, это даже не измена Родине, это еще хуже, ну и волшебство нечестивая. Не рыдал в камере в голос только из-за нахлынувшей всепоглощающей апатии. В партизана не играл и честно отвечал на все вопросы, все-таки как бы безразличен он ни был, а физических пыток все же не хотелось, если уж смерть, то быстрая, без дыбы с прижиганиями и ломанием костей.

Так что он мягко говоря несколько удивился (ну и испугался, чего уж там), когда после шума с криками дверь в его камеру открылась и внутрь ворвался ранее виденный купец Лукьян. А испугался его обнаженной сабли.

– Идем со мной колдун! Дочь мою спасешь – в живых оставлю! Даже денег дам и отпущу!

– Я не колдун...

– Мне плевать! Спаси мою дочь! Не спасешь – лютой смертью умрешь!

«А она еще жива?» – хотел спросить Алексей, но промолчал, хотя, конечно, удивился, ведь времени прошло немало с момента как перестала получать лекарство.

Оставалось надеяться на крепкий организм и что она близка к тем условным пятипроцентникам имеющих шанс выжить.

– Матрену найдите... помощницу мою...

– Времени нет искать!

– Просто выпустите всех из подземелья. Вам после такого все едино.

– И то верно, – согласился боевой купец. – Нам после того всем смерть лютая положена.

Выпустить всех!

Как оказалось, закрыли не только Матрену, но и Федора, видимо до кучи и его повязали да держали на хлебе и воде. Он, кстати сказать, уже избавился от повязки на глазах.

– Здорово Федор.

Тот сначала отскочил, но потом поинтересовался:

– Елисей?

– Он самый... сеющий ели на елисейских полях, хе-хе... – ответил нервной шуткой Алексей к коему начала возвращаться жизнь, а вместе с ней и всякие разные чувства.

Вернулись в Великий Новгород, купец сначала хотел отвезти Елисея на свое подворье, но Алексей заупрямился.

– Везите нас в дом отца Михаила...

– Зачем?! У меня лечить будешь?

– Оду лишь твою дочь? А остальные что скажут, так и будут ждать пока ее лечить буду, а самидохнуть станут?

Купец призадумался, видимо понял, что в таком случае и его дом штурмом возьмут и отвез Алексея куда тот требовал.

Оказавшись в чумном доме он первым делом кинулся в подвал, где настаивали до нужных кондиций хлеб для проращивания плесени. Если хлеба нет, то все бесполезно.

Большую часть горшочков священники и правда уволокли к себе, после того как Алексей раскрыл им секрет лекарственного средства, но к счастью до них тут кто-то побывал и распрошил несколько горшочков, а увидев плесневый хлеб – выкинул. Плесень конечно переспела, но это все не с нуля начинать, так что можно быстро размножить.

Дочь Лукьяна выглядела плохо, кожа да кости, реально было непонятно, как она все еще в живых числится. На этом фактически скелете вспухли новые огромные бубоны, да язвы. Пришлось проводить ей новую операцию и удалять все это.

– Не вытянем... – просипела Матрена.

Алексей только кивнул. Анна действительно была очень плоха и харкала кровью. То есть легкие у нее откровенно ни к черту. Тут требовалась ИВЛ.

«Разве что меха для вентиляции легких приспособить?» – подумалось ему.

– Придется пойти на радикальные меры...

– О чем ты?

Но Алексей отвечать не стал, а собрав переспевшую плесень и осторожно просушив ее до порошкового состояния, сыпал все в ладонь и поднеся ее к носу больной, приказал:

– Резко вдохни!

Анна находившаяся в полуобморочном состоянии все-таки выполнила распоряжение или просто так совпала, что она резко вдохнула. Так себе идея, Алексей в свое время не рискнул вдыхать споры плесени опасаясь, что легкие ею зарастут, но тут уже хуже точно не станет.

Пациентка закашлялась, снова обильно отхаркивала кровь, того и гляди задохнется, фактически даже захлебнется кровью. Маленькие меха с кожаной трубкой и лицевой маской кстати действительно быстро изготовили по приказу купца ну и устроили Анне подкачку воздуха в легкие в момент вдоха. Паллиатив и непонятно, поможет ли, но что-то еще тут уже не сделать.

По-хорошему надо было бы переливание крови устроить, но никаких возможностей для этого не имелось. Опять же абы какую кровь не возьмешь даже если бы имелись аппаратные возможности.

Как бы там ни было, Анна каким-то чудесным образом продолжала держаться на этом свете, а вместе с ней и Алексей с Матреной. Да и Федор тоже, что не отходил от своего спасителя ни на шаг, разве что в туалет вместе с ним не ходил, а вот люди купца ходили, видимо следили, чтобы не сбежал через выгребную яму...

Алексей потерял счет времени, лечил людей, выживали благодаря его лекарствам далеко не все, умирали трое-четверо из десяти, но это все же лучше чем девять из десятка.

В какой-то момент пик больных резко упал и что еще лучше, явно пошла на поправку Анна. Тут-то и выяснилось, что на дворе давно август.

22

Алексей, уставший и эмоционально выгоревший от жуткого вида больных и постоянных смертей вокруг, тупо смотрел на проезжающий мимо караван из двух десятков тяжело груженных телег, часть которых тянули вручную. Следом шла куча народа, человек сорок-пятьдесят. На торговый он не походил ни разу, слишком уж много везли всякого барахла, да и вряд ли торговые караваны сопровождают женщины с детьми. Скорее шедшие смахивали на хорошо подготовленных беженцев.

Некоторые люди кланялись Алексею и даже те, что из знатных что ехали на конях кивали ему и Алексей кивал в ответ, хотя не знал никого из них, точнее не помнил. Да и как их упоминать всех? Через него прошли сотни людей как простые и бедные, так и знатные да богатые.

– Бегут людишки из города, – прокомментировала процессию Матрена, что встала рядом. – Это семейство и челядь помещика Григоровых... Почти все уже из знатных и богатых сбежали.

– С чего бы им бежать? Вроде все налаживаться стало... еще немного и болезнь уйдет...

– Вот как окончательно уйдет мор, так сразу другой мор нагрянет от которого уже не спасись... Войска царские и придут, да побьют смертным боем всех кто выжил. Сказывают, что царь, узнав о бунте впал в ярость неистовую и повелел сжечь Великий Новгород дотла. Нас сейчас от опричников только черный мор и спасает...

Алексей понятиливо кивнул. Чума ведь не только в Новгороде свирепствовала, но и в окрестностях бушевала и как выяснялось, это служило им защитным полем.

По деревням кстати ходили люди и распространяли плесень Алексея, так что лечение там тоже шло, правда с неясной эффективностью из-за невозможности проверить, соблюдают ли дозировку и частоту приема, и не засоряется ли культура серой плесени зеленой, что тоже могло произойти.

– Ну да... Уходить надо...

– Только куда уйдешь? – прозвучал глухой голос купца Лукьяна, что чуть ли не поселился в чумном доме отца Михаила, его болезнь не брала, но может профилактика тому виной.

Сам монах скончался, сгорел буквально за три дня.

– Но эти же куда-то идут...

– Эти, как ты сказал, помещики, бояре, да богатые купцы... у них денег много, они к литвинам да неметчину подались, надеются, что на чужбине устроиться смогут...

– Так и у вас деньги наверняка есть...

– Есть, осталось кое-что на черный день... – не стал спорить Лукьян. – Только у меня и мозги есть... никому мы там в неметчине не нужны, обкрадут да побьют... тем более нехристей, вот и выходит, что некуда нам податься... станем ждать неминуемого конца – гибели от рук царских опричников...

– Нехристей? – вычленил Алексей ключевое слово.

– А кто мы после того, как волшбой твоей исцелялись?

– Да не волшба это!

– Может и не волшба, а все равно средство данное старыми богами Велесом да Живой, а значит отринули благодать Господню, веру в его милость и всепрощение, и приняли дары старых богов... через что обрекли души на вечные страдания в аду...

Алексей за голову схватился от осознания того, как все это выглядит для всех прочих, а купец продолжал:

– Многие после таких перспектив открыто обратно в язычество перешло и требы на капище кладет... Кому хочется в аду вечность страдать? Вот и решили старым богам поклониться, глядишь заберут к себе в Ирий, и таких все больше.

– И ты?

– И я, – кивнул купец.

«Это действительно конец, – понял Алексей. – Если тех же жидовствующих давили без всякой жалости, а они просто одна их христианских сект, то на откровенно вернувшихся к вере предков и подавно станут охотиться как на бешеных собак!»

И словно прочтя мысли парня, купец сказал:

– Разве что вслед за жидовствующими податься?..

Алексей про эту секту слышал еще в свое время, Великий Новгород являлся одним из центров данного религиозного течения. В Европе сейчас плодятся подобные секты и Русь не стала исключением. Если убрать откровенные глупости про переход в иудаизм, то это было одно из реформаторских течений, что-то навроде протестантизма и социнианства с отказом поклоняться иконам, отрицали идею Второго Пришествия и Страшного Суда, троичность бога, божественность Христа и его воскрешение, ну и прочее догматы, а так же развенчивали различные «хитрости» церковников, желая не просто слушать что говорят священники, но и иметь возможность ознакомиться с первоисточниками.

Тут надо сказать, что Православная церковь сама сильно подставилась в свое время с Концом света, что по их расчетам должен был наступить в момент наступления 7ми тысячного года от сотворения мира или в 1492 году от рождества христового. Дескать господь создал мир за семь дней, а день как тысяча лет и мир должен к этому сроку погибнуть. Но мир не погиб, что репутационно ударило по РПЦ (ведь многие поверившие священникам не засеяли поля и наступил голод) и люди стали отворачиваться от официальной Церкви к секте, что изначально отрицала приход Конца Света.

В общем паства стала уходить, а вместе с ней и бабки, но не те, что бабушки-старушки – божьи одуванчики, а такие серебряные и золотые кругляши... что сильно не понравилось иерархам, ну и надавили на государя надо думать жестко.

По одной из версий причина лютования Ивана Грозного в городе являлась как раз борьба с ними. Даже первое покорение Новгорода Иваном Третьим связывают именно с борьбой в первую очередь против данного религиозного течения, что быстро набирало популярность у людей после не состоявшегося Конца Света и более того, стала весомой политической силой, что в какой-то момент начала вести борьбу за власть.

– А куда они ушли?

– Куда-то на восток...

«Почему не в Америку раз уж Европа не подходит? – подумал Алексей, припомнив, что первыми переселенцами в Новый Свет являлись как раз многочисленные религиозные сектантские общины. – Не могли они про нее не знать... Разве что технических возможностей нет переплыть океан, лодочки-то маленькие, а опыта строительства больших кораблей нет...»

Мелькнула еще мысль об останках какого-то русского поселения на берегах Юкона, о котором Алексей слышал краем уха в прошлом.

«Но они еще не добрались, в лучшем случае где-нибудь в дельте Енисея сейчас... – размышлял он. – Да и когда доберутся... мало кто в живых останется. Хорошо если четверть от общего числа отправившихся в Исход. Ведь плывут они по ледовым морям останавливаясь на длительные зимовки... без возможности поесть свежей зелени, а значит не получают витаминов... полусырое мясо и мерзлую рыбу по примеру местных они точно жрать не станут... а это значит цинга и прочие болезни».

– Нет, нам такой вариант не подходит...

– А какой подходит?

Алексей открыл рот для ответа и спустя пару секунд молча закрыл. Ответить оказалось нечего.

«А действительно – какой? – спросил он себя. – Куда податься? Сибирь закрыта... там татар атаман Ермак еще не прижал к ногтю. Да и неохота в Сибирь... тот же холод, да и для развития регион очень уж не подходящий... ни для промышленности, ни для торговли... кругом враги... стагнация и упадок... Дальше на Дальний Восток? Так те же яйца, только вид сбоку. Америка? Лучше западное побережье... Куда-нибудь южнее в район Калифорнии? Там индейцы... черт их знает, сильно они агрессивны? Да и как туда попасть? Это же надо кучу кораблей построить... и потом кому-то ими управлять... шторма... Нет, нереально... Даже до Африки, тоже южной в район ЮАР добраться проблемно... пираты, те же шторма...»

От размышлений Алексея отвлек шум за спиной.

– Пресветлый...

Алексей обернулся к людям и снова за озирался не понимая к кому это они так обратились, да еще и поклонились, но никого не нашел, да и Матрена шепнула:

– Это до тебя люди...

– Э-э...

23

Алексей начал что-то понимать. Он и раньше отмечал, что люди проявляют к нему уважение, кланяются, но связывал это со своей деятельностью на лекарской ниве. Но похоже все оказалось не так просто. Вот и одежда на нем... Он словно впервые на нее посмотрел. Так-то замученный он не обращал внимание на то, что носит, есть что носить, поесть и где поспать – отлично. И вот оказывается, что и одежда-то на нем непростая. Хорошее сукно, а по крою не то кафтан, не то еще что-то в этом роде, не до земли, но по колено.

Отметил он, что и сама Матрена ходит в одежде схожего кроя, только светлых тонов. Федор кстати тоже щеголял в чем-то подобном, но победнее и попроще.

«А это жу-жу неспроста, – наконец понял он. – Ладно, поговорим с Матреной позже на эту тему...»

– Тихо! Говорите люди... – постарался принять Алексей достойный вид. – Вот ты...

Получилось, наверное, неплохо, но не из-за его актерских талантов, а просто от усталости. Хотелось на что-то опереться.

«Посох бы мне... – подумалось ему. – А еще лучше присесть... или даже прилечь».

– Так это... – стушевался выбранный для общения от общества мужик. – Значит это...

– Очень информативно... – буркнул Алексей и с силой провел ладонями по лицу. – Почти все понял, но надо бы уточнить пару моментов...

Рядом хмыкнул купец и сказал:

– Люди интересуются, как жить им теперь... пресветлый. Ведь вроде от чумы ты их с помощью бога Велеса и Живы спас, но спасешь ли от гнева царева? Верно говорю?

– Верно!

– Так!

– Побьют нас всех псы царские!

– Умучают ироды проклятые!

«Твою же мать...» – мысленно ругнулся Алексей до которого, как до жирафа, только сейчас дошла вся трагичность ситуации.

Ситуация складывалась из серии «Мы ответственны за тех, кого приручили». О приручении тут, конечно, речи не идет, все свободны, но в общем что-то, где-то близко к этому. Как бы там ни было, но именно Алексей являлся виновником того, что Новгород теперь со всеми жителями предадут огню за самое тяжкое преступление из возможных – отступничество от христианской веры.

Алексее аж нехорошо стало. Он даже покачнулся на враз ослабевших ногах, словно на него взвалили неподъемный груз.

– Я вас услышал... мне нужно подумать...

И пока люди не опомнились, постарался сбежать в свою каморку, ну и Матрену за собой потянул.

– Рассказывай... – потребовал он, закрывшись.

– Что рассказывать?

– Все. Вот это «пресветлый», одежда эта и люди что мне кланяются. А то я похоже несколько упустил окружающую обстановку.

Матрена несколько помявшись под взглядом Алексея, начала говорить:

– Да, ты действительно полностью отдался лечению людей мало обращая на внешнюю суету и в первую очередь Анны, что понятно, ведь не выживи она и Лукьян бы нас не пощадил...

– И при чем тут это?

– Я подумала... что Велес явно благоволит тебе и... и решила обставить все так в глазах людей, что он тебя избрал своим жрецом... Сам понимаешь, одно дело убить сына кузнеца, что подвизался на лекарском поприще и совсем другое тронуть жреца Велеса.

– Вот оно что...

«Однако!» – не мог не восхититься задуманной Матреной интригой Алексей.

– А сама?

– Жрица Живы.

– Логично. А Федор?

– Твой помощник, младший жрец.

– Ладно, с этим разобрались. И спасибо, это отличная мысль. Теперь надо только как-то подтвердить ожидание людей. Есть идеи?

– Нет. Но надо уходить. Зимой, как встанет лед, нагрянут царские псы.

– Надо... только куда?

На это Матрена ничего ответить не смогла.

А во дворе усиливался людской шум превращаясь в тревожный гул, а Алексей так и не мог понять, что им сказать. Ведь чуть что не так и его разорвут... это страшно. Требовалось больше времени на раздумье в тишине и спокойствии.

Выйдя к людям, встав на крыльце и подняв руку, требуя тишины, сказал, когда собравшиеся наконец утихли:

– Люди! Я выполнил волю Велеса и многих спас – детей его, благодаря тем знаниям, что он дал мне... Вы спрашиваете меня: как быть дальше? Я не знаю...

Люди вновь загудели, но смолкли стоило только Алексею вновь поднять руку.

– Я не знаю! Но! Я схожу на капище и спрошу у бога, что нам делать и как спастись от жестокой смерти к коей нас приговорил московский царь!

Это людей успокоило, ибо для них было понятно и логично что столь серьезные вопросы без высших сил не решаются, а значит надо спросить бога, и тот уж даст ответ.

Время терять Алексей не стал и направился на выход из города в сторону капища. Вслед за ним потянулись люди и вскоре образовалась внушительная толпа. Алексей, глядя на нее невесело усмехнулся, вспомнил фильм про дурачка Форреста Гампа, что однажды решил пробежать всю Америку и за ним увязались люди. Вот и тут что-то такое.

И пока шел он думал. Но ничего не придумывалось. Понятно, что требовалось валить и вопрос даже не куда, это вопрос второстепенный, а как?! Нужны корабли и много. Своими силами их не построить, потому как дело даже не в отсутствии опыта, а просто времени не дадут, придут опричники и все сожгут, а людей изничтожат.

«Нанять?» – подумал он.

На первый взгляд казалось, что это вполне реальное решение, были бы деньги. Но это только на первый взгляд. На второй и далее все становилось хуже некуда.

Во-первых, снова вставал фактор времени. Это ведь не в будущем, взял позвонил или там по интернету связался, сделал заказ и тебе тут же предоставили нужное количество кораблей. Тут даже если прямо сейчас послать надежных людей, минимум два года пройдет. Это при условии, что они доберутся до цели, что тоже далеко не факт. Болезни, разбойники...

Почему два года и не один? Корабли ведь не стоят в портах дожидаясь фрахта. Они все в деле, бороздят моря и океаны. Ну вот нет кораблей в нужном количестве и все тут, нужно ведь зафрахтовать не два-три корабля, а как бы не десяток, а то и больше. Значит придется ждать, пока нужное количество кораблей соберется. И ведь предоплату скорее всего потребуется внести. А это деньги и немалые...

«Но с деньгами это ладно, есть возможность заработать, та же краска, – подумал Алексей. – Если надо, даже секрет производства продам...»

Во-вторых, а где гарантия, что даже если удастся нанять корабли и они приплывут в нужном количестве, перевозчик выполнит свои обязательства? Ну вот что им мешает выбросить пассажиров посреди океана?

Да ничего! Даже боя устраивать не потребуется, просто что-нибудь подмешают в ту же воду и все, выноси готовеньких.

Добравшись до капища, когда наступила ночь Алексей отыграл свое звание жреца и устроил для зрителей представление по типу того, что он в свое время видел в детстве. Ну и молитву воззвание произнес:

– О великий Велес, отец наш! Мы – дети твои пребываем в великой опасности, враги вскорости придут по наши души и нет возможности отбиться от них силой оружия, ибо враг многочислен и безжалостен. Укажи нам путь спасения...

Шоу удалось, люди впали в религиозный экстаз и истово молились старо-новому богу-покровителю.

Но вот представление закончилось и требовалось дать ответ глядя в просветленные полные надежды и веры лица людей.

Алексею в этот момент почему-то вспомнился персонаж из фильма «Водный мир», главарь банды курильщиков, что обитали на танкере.

«К чему бы это?» – подумал он.

А потом его осенило, словно вспышка в голове сверкнула, он не только понял к чему вспомнил фильм, но и нашел решение.

– Люди! Великий Велес услышал наши молитвы! Мне только что было даровано видение! Я видел... Беловодье! И путь к нему! И я вас поведу туда! В землю, где мы построим общество, где не будет господ и рабов! Все как в достославную старину! Мы отправимся с первыми морозами к Белому морю, построим корабль и поплывем... Будет непросто, путешествие продлится долго, но Велес хочет проверить нас, наше трудолюбие и терпение, перед тем как даровать нам ту благоденственную землю.

– Да!

– Слава великому Велесу!

– Беловодье!

Шумной и радостной толпой, воодушевленные люди зашагали обратно в Новгород.

24

Лишь купец Лукьян, пожалуй, сохранил здравомыслие, потому спросил:

– Корабль? Один?

– Да, корабль. Один.

– Представляешь какого он должен быть размера?

– Конечно представляю. Велес очень четко показал мне его.

– Хм-м... А сможем ли мы его построить? Это ведь не так-то просто... И чем больше корабль, тем это сложнее...

– Этот – сможем. Ты даже удивись насколько он прост и легок в строительстве несмотря на поистине циклопические размеры.

– Хорошо, – кивнул купец, что-то для себя решив. – Но ведь придется где-то брать хорошее дерево. Я уже молчу о продовольствии.

– И вот тут требуется твои...

– Деньги? – усмехнулся Лукьян.

– Нет, – вернул усмешку Алексей. – Тем боле что твоих денег вряд ли хватит на постройку такого большого корабля, я уже молчу о продовольствии... Деньгами я как раз тебя обеспечу, точнее возможностью их заработать, продав товар, что я же тебе и дам.

– Хм-м... Тогда что?

– Торговые связи.

– Ясно... Только боюсь, что с нами мало кто захочет иметь дело... Церковь, да и царь наложат запрет на торговлю с нами.

– Вот ты и должен будешь найти тех, кто это дело с нами возжелает вести, тем более что скупиться мы не станем. Если среди наших купцов смелых... или достаточно жадных все же не найдется, то будем работать с заморскими. С теми же ганзейцами. Эти станут торговать хоть с чертом, лишь бы прибыль была свыше ста процентов.

– Это да... Только ты уверен, что в этом случае твоего товара хватит? Очень уж жадные эти твари...

– Уверен.

– Что хоть за товар-то?

– Краска. Синяя.

– О! – оценил Лукьян.

Ну да, синяя краска сейчас одна из самых дорогих. Чуть ли не золотом по весу.

По возвращению в Новгород буквально в тот же день Алексей принялся за изготовление первой партии краски. Налаживать торговые связи нужно уже сейчас. После нескольких не слишком удачных опытов наконец получилось несколько образцов краски разного качества от небесно-голубой до ультрамарина и маренго.

– Вот, – показал образцы купцу Алексей.

– Ох... – выдохнул Лукьян и его руки дрогнули.

«Судя по его взгляду, похоже что он только сейчас всерьез уверовал, что я получил откровения от Велеса, – подумал Алексей. – Но оно и понятно. Откуда простому сыну кузнеца знать способ изготовления краски? Ведь если знал бы раньше, то наверняка бы давно уже делали».

– Станут спрашивать откуда, то отвечай, что нашли месторождение на Урал-камне. Или даже на острове в студеное море... потому добраться туда сложно... в общем не мне тебя учить как навести тень на плетень.

На это купец только криво усмехнулся.

– Лучше, если помимо Ганзы удастся выйти на англичан.

– Сделаем... Не только немцам, да англам продадим, но и итальянцам. Вот они как раз и дадут настоящую цену.

– Вот и отлично.

Пока Лукьян Леонтьевич налаживал торговые схемы, Алексей помимо того, что делал краску, а к этому процессу он никого кроме Матрены и Федора не допускал, занимался организацией предстоящего Исхода.

Маршрут проложили следующий: от Великого Новгорода на север до Ладоги. Как раз должны были дойти к тому моменту, как там встанет лед.

– По-хорошему следовало бы дожидаться, когда встанет лед на Волхове... – вздыхал он.

– Да, легче было бы, – соглашалась Матрена. – Но к тому моменту, как он встанет, царевы псы встанут под стенами города.

Далее по льду Ладоги, а озеро в это время из-за Малого ледникового периода замерзает быстрее, чем в будущем, предстояло дойти до реки Свирь и уже по ней перебраться в Онежское озеро, что так же окажется покрыто льдом. Далее путь лежал в Выгозеро, а из него в Онежскую губу Белого моря.

Дальше Александр не знал, как лучше, остаться у Онеги или идти в Холмогоры обосновавшись там, где чуть позже поставят Архангельск или идти еще дальше.

– Ладно, на месте разберемся. До Онеги бы дойти для начала...

Что до чумы, то к сентябрю она ушла на нет, лишь в окрестностях еще продолжала тлеть очагами. И то, больше слухи о новых вспышках распускали, надеясь, что сведения дойдут до Москвы и это хоть еще на несколько дней задержит выступление опричников.

И стоило только выйти из города по подмерзшей земле, как Алексей узнал о прозвище что, дали ему люди.

– Великий Кормчий? – переспросил он у Федора и засмеялся.

Отчего-то он представил «свою» статую в стиле Мао.

«Нет, у меня в руках будет посох, – подумал он. – Им стану показывать направление, как Моисей».

Посохом он действительно обзавелся. А что? И удобно, и стильно...

25

С организацией движения людской массы Алексей ничего особо выдумывать не стал. Вспомнив одного Автор Тудеюшного писателя Георгия Лопатина, конкретно его трилогию «Князь Рус», где описывался подобный зимний исход славянских племен, он сделал все, как там было написано, чтобы по возможности сохранить здоровье людей, крепостью которого после всего произошедшего они и так похвастаться не могли.

То есть за август-сентябрь заготовили различных ягод и трав для подготовки поддерживающих тонус витаминных взваров и собственно изготовили объемные на полсотни литров емкости в которых их предстояло готовить. Кузнецы отковали железные днища с трубами к деревянным бочкам. Благо с металлом особых проблем не возникло, после того как разорили пару церквей и сняли колокола. А чего теперь? Одним преступлением против церкви больше, одним меньше... как говорится, раз пошла такая пьянка – режь последний огурец.

Правда, как показал опыт, готовить на ходу не получалось, тяжело и неудобно, с тягловой силой просто беда, опять же они не по льду шли, и дорога как водится в России колдоебина на колдоебине и колдоебиной погоняет, так что пришлось слегка этот момент пересмотреть и на протяжении всего дневного пути, примерно через километр, расставлять «питейные» пункты. Но так даже лучше оказалось. Пришли, выпили по кружке горячего питья и дальше двинулись, после чего команда варщиков снимается и уходит вперед, чтобы снова успеть сварить новую порцию.

Тоже самое с пунктами питания. Выяснив у знающих людей, водивших торговые караваны, что средняя скорость движения составляет около двадцати километров в день, ставили два пункта питания, через десять километров и в конечной точке суточного перехода, куда поварские команды под достаточной охраной для защиты от всяких лихих людей, да и просто местных, уезжали загодя.

Система заработала не сразу, в первую очередь из-за того, что новгородцы оказались теми еще индивидуалистами, те, что зажиточные, и не захотели сразу скинуться в общий котел своими продуктовыми запасами, дескать сами с усами и готовить будем для себя из своего.

Оставалось порадоваться, что таких насчитывалось в общем-то немного: мелкие купцы, лавочники да крепкие мастеровые династии, всего три десятка семейств на почти три тысячи человек, что покинули город вслед за Великим Кормчим.

– Это ваше решение, – сказал им Алексей, что в принципе не собирался никого уговаривать и вообще действовал по формуле: «меньше народу – больше кислороду», особенно что касается вот таких индивидуалистов, что даже в такие непростые времена не могут поставить общее выше личного. – Ждать никого не собираюсь, кто отстанет – негоден Велесу.

Через несколько дней индивидуалисты начали отставать, ведь на готовку уходит много времени. Тем более что раз они не поделились своими запасами, то и на них никто тратить не собирался. Это в том плане, что помимо готовки еды из взятого с собой продовольствия шла активная ловля рыбы в Волхове. Реку буквально перегораживали сетями (как раз для такого дела изготовили небольшие кожаные лодочки), а потом шумом гнали рыбу, и так несколько раз, так что рыбы всегда хватало.

В общем осознав, что с индивидуальной готовкой еды они рискуют не просто сильно отстать, паузы-то небольшие, только чтобы поесть, оправиться, животных обиходить да осмотреть транспорт что-то по мелочи поправив, но и в конечном счете оказаться в руках опричников, те убавив гонор, сдали свои запасы продовольствия.

В Великом Новгороде осталось от семи до десяти тысяч человек. Непонятно на что рассчитывали оставшиеся, ведь Иван Грозный еще в прошлый раз показал свой необузданный нрав подвергая жестоким гонениям не только своих противников, но и новгородцев из числа

«московской партии». А уж опричники и подавно не станут разбираться в том, кто прав, а кто виноват, заметут своими метлами всех, кто попадется на их пути. Церковь как показала практика тоже особо защитить свою паству не в состоянии, сама становится объектом грабежа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.